Метод инспектора Авраама

Автор:
Дрор Мишани

Метод инспектора Авраама

Дрор Мишани

Детектив из Тель-АвиваИнспектор Авраам Авраам #1

Для инспектора Авраама Авраама служба в полиции Тель-Авива – вся жизнь, а жизнь – одно сплошное полицейское расследование. На вопрос: «Что ты делаешь после работы?» – он всегда отвечает: «Работаю». Его единственное хобби – чтение классических детективов. Нестандартное мышление сочетается в нем с поистине бульдожьей хваткой и неукротимой тягой к восстановлению справедливости. Начиная расследование исчезновения подростка из тель-авивского пригорода, Авраам не увидел для себя сколько-нибудь значительных сложностей. Но жизнь – куда как более искусный автор, чем любой писатель детективов, и далеко не каждый поворот создаваемого ею сюжета можно предугадать…

Дрор Мишани

Метод инспектора Авраама

Часть I

Перед ним сидела мамаша. Очередная мамаша.

До нее побывали еще две, одна за другой. Первая – миловидная, юная. В белой футболке в облипочку и с чудной осанкой. Пожаловалась, что за воротами школы поколотили ее сына. А он терпеливо выслушал и пообещал, что ее жалобу рассмотрят и отнесутся к ней серьезно. Вторая мамашка потребовала, чтобы полиция приставила к ее дочке следака – выяснить, почему та по телефону говорит шепотом и на ночь запирается на ключ.

Подобные жалобы он выслушивал в каждое дежурство. Неделю назад какая-то молодуха пожаловалась, что ее сглазила свекровь. Он был уверен, что полицейские с их участка останавливают людей на улице и просят подавать идиотские жалобы – специально, чтобы над ним покуражиться, поерничать. У других на дежурствах такого не случалось.

На часах было десять минут седьмого, и будь у инспектора Авраама Авраама в кабинете окно, он заметил бы, что уже темнеет. Авраам знал, что купит по дороге на ужин, и знал, что будет смотреть по телику во время еды. Но сперва полагалось успокоить третью мамашу. Он поглядел на экран компа. Выждал с минуту, а потом спросил:

– Знаете, почему в Израиле не пишут детективы?

– Что? – не поняла посетительница.

– Почему у нас детективы не пишут? Ну, книги типа Агаты Кристи или «Девушки с татуировкой дракона»…

– Я в книгах не сильно разбираюсь.

– Объясняю. Потому что у нас таких преступлений нет. Нет серийных убийц, нет похищений, почти нет насильников, которые на улицах нападают на женщин. У нас если кто и нарушил закон, так скорей ищи соседа или дядю. Ну, может, дедушку. И чтобы узнать, кто это сотворил, не нужно проводить сложное расследование и распутывать тайну. Тайн у нас просто нет. Объяснение всегда проще простого. То есть я пытаюсь вам сказать, что, как мне кажется, вряд ли с

вашим сыном стряслась беда. Говорю это, чтобы успокоить вас. Такова статистика, и нет никаких тревожных знаков, показывающих, что в его случае все иначе. Через часок-другой он вернется домой. Ну, максимум завтра утром. Гарантирую. Дело в том, что если мы прямо сейчас зафиксируем исчезновение вашего сына и немедленно начнем расследование, мне придется тут же отрядить полицейских на розыски. Таков порядок. А я по опыту знаю, что есть шанс найти его в каком-то эдаком виде, о котором вам не хотелось бы и знать. Ну, скажем, у него обнаружат косячок, а? И тут уж ничего не попишешь, придется завести дело… Вот поэтому я считаю, что не стоит объявлять его в розыск прямо сейчас; разве что материнское чутье вам подсказывает, что с ним что-то стряслось. Тогда скажите, почему вам так кажется. И мы тут же заведем дело об исчезновении подростка и приступим к поискам. А если нет, так дождемся утра.

Авраам пристально смотрел на женщину, пытаясь понять, какое впечатление производят на нее его слова. Она выглядела потерянной. Не умела решать. Или настоять на своем.

– Не знаю, случилось с ним что или нет, – сказала женщина. – Он никогда вот так не исчезал.

Прошла четверть часа, а они все сидели друг напротив друга в этом его тесном кабинетике. Авраам с пяти вечера не выходил покурить. На столе лежала пачка «Тайма», а на ней – маленькая черная зажигалка. Кроме нее зажигалки были распиханы по карманам брюк и рубахи.

– Давайте снова пробежимся по главным пунктам и решим, как вы поступите дома, если увидите, что он еще не вернулся, – предложил инспектор. – Ладно? Вы сказали, что он ушел в школу в обычное время. В котором, говорите, часу, – без десяти восемь?

– Я на часы не смотрела, я же вам сказала. Но как всегда… может, без четверти восемь.

Авраам отодвинул клавиатуру компа и простой ручкой, найденной в ящике стола, начал набрасывать на листке короткие фразы. Ручку он держал как-то странно. За самый краешек. Всеми пальцами. Их кончики уже давно перемазались синими чернилами.

– Точное время – не главное. Ранец он взял, как всегда? Не заметили, он не прихватил чего-то необычного? Ранец не слишком раздут? В шкафу все вещи на месте?

– Я в шкафу не рылась.

– А когда вы заметили, что он оставил дома мобильник?

– Днем, когда убиралась в его комнате.

– Вы убираете его комнату каждый день?

– Что?… Не каждый. Иногда, когда там грязно.

На вид эта дама была не из тех, кто чистит дом каждый день. Мелкая, с маленькими руками, сидит сгорбившись на краешке стула, на коленях потертая черная сумка… Одной рукой придерживает эту сумку, другой сжимает в кулачке маленький мобильник – синий, вышедший из моды «Самсунг». Сутулая мамашка шестнадцатилетнего подростка, примерно ровесница Авраама, может, года на два постарше. Не больше сороковника. Все это он не записывал, потому что какое оно имеет значение?

– Телефон, как вы говорите, выключен?

– Да, конечно. Лежал у него в комнате, на столе.

– И вы его включили?

– Я его не включала. А надо бы включить?

Женщина впервые задала Аврааму хоть какой-то вопрос. Ее пальцы сжали сумку, в голосе будто послышалось оживление. Словно он сказал, что вот включи она мобильник – и он тут же зазвонит, и ее сын скажет, что уже на пути к дому.

– Да вот не знаю. В любом случае советую включить его, как только вернетесь домой.

– Я как увидела этот мобильник, сразу почуяла недоброе. Он вроде никогда его не забывал.

– Я это отметил. Школьному товарищу вы позвонили лишь во второй половине дня, верно?

– Я прождала до четырех, потому что иногда он запаздывает. И по средам у них продленные занятия, он возвращается в три, в полчетвертого. А в четыре я позвонила.

– И вы этому приятелю доверяете?

– Да, – сперва уверенно ответила женщина, а потом вдруг заколебалась. – А вы думаете, он соврал? Услышал по голосу, что я нервничаю?

– Да не знаю я, госпожа Шараби, солгал он или нет, я с ним не знаком. Я просто имею в виду, что приятели покрывают друг друга. И что если ваш сын сегодня решил прогулять школу – например, поехать в Тель-Авив и сделать наколку, – он мог рассказать об этом лучшему другу и попросить его никому не трезвонить.

«Что бы сделал я сам?» – спросил себя Авраам и подумал, употребляют ли сегодня ребята слово трезвонить. Посетительница сидела такая скукоженная, такая зажатая из-за его ранга, из-за этого кабинета, его полицейской формы или позднего часа, и, наверное, поэтому он не стал рассказывать, что и сам учился в этой школе и помнит те дни, когда шел утром на автобусную остановку, в начале улицы Шинкар и ждал там первого или третьего автобуса, чтобы вместо занятий смотаться в Тель-Авив. Он не рассказывал об этом никому, даже немногочисленным приятелям, и держал наготове какую-то туфту на случай, если вдруг встретит кого из учителей.

– Зачем бы ему ехать, никому не рассказав? Он такого в жизни не делал, – возразила мать пропавшего пацана.

– Может, так, а может, и нет, это нужно проверить. Я вот что вам советую. Если, когда вы вернетесь, его все еще не будет, поговорите снова с его приятелем. А может, и с другими его товарищами. И проверьте, нет ли таких мест, куда он иногда ездит. Может, у него есть подружка, о которой вы не знаете, или что-то

еще… И попробуйте вспомнить, не говорил ли он, что у него на среду планы. Может, он сказал, а вы забыли?

– Да какие у него планы? Ничего он мне не говорил.

– А братья-сестры? Может, он рассказал им что-то, что нас успокоит? Или другим родственникам, двоюродным братьям, дедушке…

Инспектору показалось, что этот вопрос снова что-то пробудил в его собеседнице – какую-то мысль, – но лишь на мгновение. А может, он и ошибся. Она пришла в полицию в надежде, что кто-то вместо нее взвалит все поиски на себя, – а их беседа привела ее в смятение. Она вообще не должна была здесь сидеть. Будь ее муж в стране, тогда бы он, а не она, сидел в кабинете у Авраама Авраама, тогда бы он названивал, угрожал, подключал связи… А тут вот ее одну отсылают домой, да еще и указывают, как самолично продолжить поиски сына, пока мент напротив нее рассуждает о нем, как о ком-то постороннем. Оттого, что он стал говорить «мы» – чтобы она не чувствовала себя оставленной один на один с проблемой, – легче ей не стало. Авраам подумал, что ей хочется закончить этот разговор, но в то же время домой ее не тянет. Зато ему домой захотелось. И как раз в этот момент он незаметно для посетительницы озаглавил листок «Офер Шараби» и подчеркнул это имя двумя кривыми черточками.

– Он с другими нашими детьми почти не разговаривает, – сказала женщина. – Братишке пять лет, а с сестрой у них мало общего.

– Но спросить не помешает. У вас дома компьютеры есть?

– Один комп. В их с братишкой комнате.

– Вот вам, пожалуйста. Вы можете сделать кое-что еще. Проверьте его мейлы, «Фейсбук», если он у него есть. Может, он написал что-то, что поможет нам не нервничать… Вы знаете, как это работает?

Авраам уже понимал, что ничего такого она делать не станет, и его слова ни к чему не приведут. Она вернется домой и будет ждать, вздрагивая от каждого звонка и каждого шороха на лестнице. И не сделает ничего, даже если ее сын вовсе не объявится. Она дождется утра и вернется в участок в тех же одежках,

которые не снимет с себя ночью. Вернется к нему. Может, еще раз позвонит мужу, но он-то помочь не в силах…

Наступило молчание. На вопросы про компьютеры женщина не ответила – то ли обиделась, то ли застеснялась того, что не умеет делать то, что ей предложили.

– Послушайте, госпожа Шараби. Видит Бог, я хочу вам помочь, – снова заговорил Авраам. – За вашим сыном не числится никаких нарушений – значит, он не впутывался ни в какие переделки. А нормальные ребята не исчезают. Они могут прогулять школу, на несколько часов сбежать из дома, или постесняются возвращаться, потому что с ними стряслось что-то, как им кажется, жуткое, и они боятся, что им не поздоровится. Хотя обычно это какая-то чепуховина. Но они не исчезают. Я нарисую вам возможный вариант: ваш сын решил сегодня прогулять школу, потому что там важная контрольная, а он не подготовился. Не знаете, у него сегодня не было контрольной? Может, стоит спросить его приятеля… Он не подготовился, а привык получать хорошие отметки и решил не огорчать родителей. И вот прогулял школу и вместо нее пошел побродить по городу или поехал в какой-нибудь торговый центр, а там наткнулся на учительницу или на какого знакомого и испугался, что все теперь узнают про его прогул. Вот и не показывается дома. Такое не редкость с нормальными ребятами. И значит, волноваться не стоит, если вы, конечно, ничего от меня не скрываете.

– Что мне скрывать? – спросила женщина дрожащим голосом. – Я хочу, чтобы его нашли. Без этого мобильника он и позвонить-то не может.

Разговор никуда не двигался. Надо было как-то его закруглять. Авраам Авраам вздохнул и спросил:

– Ваш муж возвращается лишь через несколько дней?

– Через две недели. Они плывут в Триест. И он может сойти с корабля только через четыре дня. Когда у них первая стоянка.

– Да ему и сходить не придется. А где сейчас брат и сестра Офера?

– У соседки.

Полицейский вдруг осознал, что за всю беседу впервые вслух назвал паренька по имени. А имя было такое красивое, и он тут же мысленно поменял свое имя на имя этого мальчишки, как делал всегда, когда слышал красивые имена. В голове у него завертелось имя, которого ему не видать: Офер Авраам. Инспектор Офер Авраам. Старший инспектор Офер Авраам. Комиссар полиции Офер Авраам сегодня подал в отставку по личным соображениям…

– Я советую вам вернуться к детям и обещаю, что больше мы не увидимся, – сказал он вслух. – И я в любом случае попрошу, чтобы вам с утра позвонили и проверили, как дела.

Затем он положил ручку на листок бумаги и откинулся на спинку стула. Женщина не шевельнулась. Если не сказать ей, что беседа закончена, она не уйдет. Может, все же задать ей еще пару вопросов? Ей просто невозможно остаться одной! И только тут Авраам увидел, что во время разговора он, сам того не замечая, нарисовал внизу листка синего человечка. Длинная линия изображала у него одновременно зад, живот и шею, еще две наклонные черточки – ноги, две черточки сверху – руки, а в самом верху был кружок, представляющий голову, и этот кружок обвит чем-то вроде веревки, с которой капало что-то вроде крови. Или слез? И хотя на то не было причины, мужчина прикрыл рисунок ладонью. А пальцы у него были запачканы синими чернилами.

* * *

Когда в восьмом часу инспектор вышел на улицу, небо над полицейским участком и над Технологическим колледжем было почти черным. Он пошел направо по улице Фихман, а потом налево по Голды Меир, смешиваясь с теми, кто избрал длинный пеший маршрут – от Неве-Ремез до Кирьят-Шарета, – пытаясь не встрять в их темп. Помедленней, помедленней, вечер-то чудный, начало мая… В следующие два месяца таких вечеров не увидишь. Из-за его медлительности сзади уже скопились пробки из прохожих, все больше пожилых, старше его лет на двадцать-тридцать, в тренировочных штанах и футболках с короткими рукавами. Они замедляли шаг, поколебавшись, отступали на песчаную обочину, потом быстро обходили полицейского в форме и возвращались на асфальт. Женщина в возрасте его матери, наткнувшись на его руку, обернулась и сказала: «Прошу прощения!». И вдруг шум проезжающих машин ударил инспектору в уши, будто кто-то вынул из них пробки. Авраам Авраам сообразил, что несколько минут ничего не слышал. Потому что слушал

только себя, свой внутренний монолог. Эта мамаша не давала ему покоя. Он вспомнил про убийство Инбаль Амрам. Решение суда, пересланное по компьютеру всем полицейским страны. Суд постановил, что в деле розыска полиция проявила халатность и потому виновна в ее гибели. Но обстоятельства там были совершенно другими. Сын сидевшей перед ним мамаши пропал не ночью, и на этом этапе нет никаких причин немедленно включать команду «подросток в опасности» и объявлять пропавшего в розыск. Авраам даже не поленился обзвонить в присутствии матери близлежащие больницы и выяснить, не поступал ли к ним подросток, откликающийся на имя Офер Шараби и соответствующий данному ею описанию. Перед тем как выйти с участка, он распорядился передавать ему отчет о любом инциденте, а также проинструктировал мать, как ей самой продолжить поиски, и оставил дежурному описание черного ранца с белыми полосками, имитацией «Адидаса», – вдруг укажут на него, как на подозрительный предмет, обнаруженный где-то на улице? На этот момент любые другие действия выглядели пустой тратой времени и сил. За что тоже можно получить вздрючку. Но если ночью с парнем что-то случится, что-то, чего можно было бы избежать, Аврааму и вправду не сносить головы. Он уже пожалел о своих речах касательно детективов и статистики преступлений в Израиле. Инбаль Амрам убил автомобильный вор, который ее даже не знал – просто у него что-то не заладилось. «Хватит философствовать», – решил инспектор.

* * *

Когда-то здесь были лишь пески, а сейчас все прозрачно, одно стекло. В дюнах между Неве-Ремезом и Кирьят-Шаретом, в двух безликих районах, в которых инспектор прожил почти всю жизнь, выросли дома-башни, городская библиотека, Музей дизайна и торговый центр, который в темноте выглядит, как космическая станция на Луне. Слева на пути в Кирьят-Шарет сияли рекламы «Зары», «Офиса Дипо» и «Кафе Джо», и Авраам заколебался: может, перейти дорогу, зайти в торговый центр, заказать кофе латте и бутерброд с сыром и посидеть снаружи за пустым столиком, поглядеть на пролетающие огни машин, поразмышлять? И как это бывало почти каждый вечер, он не стал этого делать.

Хотелось покумекать над другими расследованиями. Было у них одно дельце без единой зацепки – за одну неделю три кражи со взломом на двух соседних улицах в Кирьят Бен-Гурионе. Все в дневное время, когда жильцов нет дома. И ни взлома замков, ни распиленных оконных решеток. Взломщики точно знали, когда жильцы уходят и когда возвращаются, и наловчились без всякого шума

открывать запертые двери. Это не припадочные налеты какого-нибудь наркомана. Украдены драгоценности, чековые книжки, наличность… В одной из квартир вскрыт сейф. Полная безнадега. Единственный путь – дождаться следующих взломов и понадеяться на то, что грабители оставят для копов какой-то след, что-то такое, чего раньше не было. Или помечтать, что что-то из ворованных вещей где-то всплывет, чтобы найти, кого допрашивать. Но у Авраама было ощущение, которое он не отважился высказать на заседании группы, – ощущение, что лишь один из трех взломов стоящий, то есть что только он и важен для взломщиков. И то, что они там искали – а может, и нашли, – не связано ни с деньгами, ни со шмотьем. А две остальные кражи – это так, запудрить ментам мозги.

А вот другое расследование началось гораздо удачнее, но в последние два дня все как-то запуталось и пошло наперекосяк. Двадцатилетний демобилизованный парень по имени Игорь Кинтаев был арестован по подозрению в домогательствах к женщинам на набережной Бат-Яма – с перерывами это длилось уже два месяца. Полицейский патруль засек, как он начинал клеиться к женщине старше себя по возрасту, лет сорока с гаком, потом разворачивался и чапал в обратную сторону или переходил дорогу, пока не примечал другую женщину и не начинал приставать к ней. При опознании четыре женщины из семи узнали его. На предварительных допросах он все отрицал, а позавчера вдруг заговорил и сознался в десятках правонарушений, которые за ним и не числились, – например, в том, что два года назад устроил пожар в доме престарелых в Хедере, а в 2005 году пытался поджечь ресторан в Геват Ольге, о чем никто не докладывал. Парень этот был странный, и иврит у него был странный, какой-то старомодный. Его мать осталась в Казани, а отец умер в Израиле. Постоянного адреса нет. Несколько месяцев он прожил в подвале, снятом в Хедере, а полгода назад из-за работы переехал в Бат-Ям, на квартиру к родственникам. Авраам Авраам не поверил ни единому его слову. Во время одного из своих приставаний задержанный схватил за руку служащую какой-то косметической фирмы, женщину лет пятидесяти, и насильно впихнул эту руку себе в брюки. Все это случилось на набережной в пятницу вечером. При аресте у него не оказалось ни документов, ни шекеля денег, но в рюкзаке – современный компас и книжка Агнона «Простая история», школьное издание в потрепанной синей обложке. На первой странице было посвящение, датированное 10 августа 1993 года и написанное от руки: «Юле – простая история несбывшейся любви». Имя написавшего было забелено «замазкой».

* * *

Авраам Авраам сам не знал, почему ему в голову вдруг полезли эти мысли. Без всякой видимой причины он вообразил себе экран компьютера в комнате Офера Шараби и его братишки. Громоздкий старомодный компьютер в кремовых тонах – так ему это представилось. Полицейского занимала разница в возрасте детей. Шестнадцатилетний подросток, четырнадцатилетняя девочка и пятилетний ребенок. Почему между дочкой и младшим сыном девять лет разницы? Почему пара, начавшая заводить детей, вдруг остановилась и так долго ждала? Из-за материальных невзгод, проблем со здоровьем, неладов в семье? А может, когда мать была беременна в третий раз, случился выкидыш? Почему, черт возьми, на все нужны объяснения?… Потом инспектор подумал про восемь утра. Трое детей ушли в школу и в садик, и мама осталась одна. В квартире воцаряется тишина. Пустые комнаты. Лишь шорох белых занавесок в гостиной. За какие дела она принимается? Может, крутится в пустых комнатах. Комната мальчиков, большая, с подростковой кроватью, складывающейся в диван, с письменным столом, на котором старый компьютер, а напротив – детская кроватка и тумбочка. И комната дочки, маленькая, побеленная, с длинным зеркалом, висящим напротив двери – и в нем мать встречается сама с собой. В своем воображении Авраам видел ее с бельевой корзиной в руках.

На улице Алуфей Цахал, у остановки 97-го автобуса, идущего к поезду в Северном Тель-Авиве, толкалась пятерка пареньков и девиц. Вертлявая, низкопопая девчонка, в черных, отнюдь не красящих ее лосинах и серой фуфайке «Гэп», совала свой «Айпод» одному из мальчишек – уламывала его надеть наушники. А он отмахивался, строил рожи, будто сама мысль об этом ему противна. Авраам Авраам инстинктивно уставился на них долгим и слишком пристальным взглядом, и они, когда он шел мимо, притихли и заулыбались ему. Девчонка с «Айподом» явно проехалась на его счет. Может, и Офер там, с ними? Непременно там – а не там, так на другой автобусной остановке. Его мать в конце разговора, за минуту до того, как согласилась уйти, сказала инспектору, что Офер уже дважды сбегал из дому. В первый раз – когда ему еще не было двенадцати. Ушел пешком, «во вьетнамках» – так она сказала, – и добрался до Рамат-Гана, до дедушки с бабушкой. Это случилось в один из праздников, из-за ссоры с отцом. А примерно год назад он поцапался с ней и после обеда ушел из дома, сказав, что не вернется. В конце концов вернулся, в десятом часу. Открыл дверь своим ключом, сразу прошел в их с братом комнату, не рассказывая, что делал весь вечер. И больше они об этом не говорили. Авраам Авраам спросил, почему мать Офера в тот раз не обратилась в полицию, но та не ответила. Видимо, ответ заключался в том, что отец тогда был дома. В воображении полицейского встала картина: Офер Шараби, который до сих пор неизвестно как

выглядит, ставит свой черный ранец на скамейку в совершенно пустом и темном городском сквере и укладывается на спину. Укрывается серой фуфайкой, такой, как у той девчонки на остановке. И готовится ко сну. В сквере, кроме Офера, никого нет, и это здорово. Ничто ему не угрожает.

Авраам прошел мимо дома, в котором вырос, – Алуфей Цахал, 26. Мимо дома своих родителей. Он машинально поднял голову – взглянуть на окно на третьем этаже. Темно и никаких признаков жизни. Сколько он уже здесь не был? На втором этаже жалюзи раздвинуты, и по пояс голый мужик сидит на подоконнике спиной к улице, лицом к освещенной гостиной, из которой несутся голоса телевизора. Скоро новости. Сосед разговаривает с кем-то в доме – может, со стоящей на кухне женой. Это тот сосед, что несколько лет назад обнаружил его отца на лестнице после инсульта.

Инспектор продолжил свой путь и зашел в супермаркет, к грузинам. Сперва он вроде как передумал, решил, что сам сварганит ужин, чтобы отделаться от мыслей и немножко себя порадовать. Подумал купить бутылочку «Кот дю Рон» и пачку готовых равиоли – сварить в кипящей воде, полить оливковым маслом да посыпать тертым сыром. Но что-то снова удержало его. Он пошел к холодильнику, вытащил баночку острой тхины?[1 - Тхина – густая жирная паста из молотого кунжутного семени.] и перебрал в хлебном ящике несколько оставшихся булочек, пока не нашел почти что мягкую. Возле кассы инспектор положил в корзинку пакетик помидоров черри.

Вот не забыл бы он прихватить листок с адресом – пришел бы к себе, взял машину и покатил к дому, где кукует та мамаша. Сидел бы там и ждал, пока Офер Шараби не войдет в подъезд и он, Авраам, собственными ушами не услышит ее крики или рыдания. Лучше бы спалось ночью. Но листок он не прихватил, хоть и сложил его аккуратненько и собирался сунуть в карман рубашки. Может, не хотелось брать тот страшный рисунок, который так напугал его без особых причин… У инспектора воникла идея: позвонить Илане Лим и поделиться с ней своими сомнениями. Если Илана посоветует вернуться в участок и отдать приказ о включении системы «срочный поиск пропавшего», он так и сделает. Несмотря на поздний час. Но если он ей позвонит, то проявит неуверенность в себе, чего не хотелось. Чтобы не тратить оставшиеся в кошельке деньги, Авраам заплатил карточкой.

* * *

Инспектор вернулся на Алуфей Цахал, снова прошел мимо родительского дома и решил, что подниматься не стоит. Отец наверняка сидит в потемках у телевизора, смотрит новости. И в это время к нему лучше не лезть. А мама, если не вышла на свою ходьбу, сидит на кухонном столе и болтает по телефону. Слушать ее Аврааму не хотелось. В ушах и без того звенел ее голос – как она говорит какой-то приятельнице: «О, Господи, это Ави! Нужно согреть ему что-нибудь на ужин». Он предпочитал поесть в одиночестве и посмотреть по телевизору старый выпуск сериала «Закон и порядок», который видел-перевидел бессчетное число раз. И каждый раз открывал для себя что-то новое. Еще один промах в расследовании, новый трюк, чтобы оправдать обвиняемого… Авраам спустился по улице, свернул налево и минуты три двигался мимо притихших и погруженных во мрак строений, пока не дошел до собственного дома.

Ночью он положил мобильник возле кровати. На случай, что кто-то позвонит из участка.

2

При виде стоящих у дома патрульных машин Зеев сразу понял, что их сюда привело. Шестое чувство, укол в сердце. И он ощутил, что готов, еще не зная к чему.

Странно. Будто жизнь сама втихомолку подвела его к этому часу, хотя с чего и почему, он не знал. Внутри что-то взорвалось, как при внезапных родах: Зеев увидел патрульную машину, и из него выпрыгнул другой человек, который многие годы там сидел, дожидался. С Эли-то все случилось иначе. Целых девять месяцев они ждали, а когда он родился, это было как граната, брошенная незнамо кем. Родители, которым следовало бы из них выскочить, не выскочили. Наоборот, они сами как будто превратились в беспомощных младенцев.

* * *

Он заметил патрульные машины еще с перекрестка, когда ждал зеленого света. Две машины перед домом, и в обеих дверь водителя была открыта. Женщина-

полицейский в форме прислонилась к одной из машин и разговаривала по мобильнику, а с другой стороны ждал белый «Фольксваген Пассат» с полицейским знаком.

Зеев поставил свой мотороллер у входа в дом и зашел в парадную. Дверь была открыта, и сверху слышались голоса. Минуя свою квартиру, он поднялся на третий этаж. Дверь в квартиру семейства Шараби тоже была открыта, и снаружи тоже стояла женщина в полицейской форме. Все двери нараспашку. «Сигнал беды», – подумал мужчина. Может, именно это он и почувствовал. Что обнаружилось нечто этакое. Сотрудница полиции заметила его и спросила, кто он.

– Меня зовут Зеев, – сказал он, – я сосед со второго этажа.

И спросил, что случилось. Женщина ответила, что ничего, и встала в проеме двери – показать, что вход воспрещен. Хотя он и не думал входить.

Михаль сидела на диване в гостиной. Эли спал у нее на руках. Она все еще была в пижаме и смотрела по телевизору «Доктора Слона». На окнах жалюзи, в квартире полумрак. Зеев спросил, известно ли ей, что стряслось там, у соседей, но она вообще не заметила, что у подъезда стоят полицейские машины и что-то случилось. Зеев вернулся рано, что ее удивило – ведь он по четвергам возвращается в два, – и она шепотом спросила, не голодный ли он, после чего осторожно уложила Эли в спальню, приоткрыла жалюзи на балконе и посмотрела наружу, а потом подошла к двери и выглянула на лестницу. Там спускались вприпрыжку двое полицейских, и она, поспешно закрыв дверь, спросила:

– Может, их обокрали?

Зеев ответил, что из-за кражи столько полиции не пригонят.

– Вот страх! – сказала Михаль. – Что же там могло случиться?

Муж обнял ее.

– Наверняка ничего такого страшного.

* * *

К вечеру Зеев сидел на закрытом балконе с опущенными жалюзи, превращенном ими в некую подсобку, и проверял контрольные. Заодно он мог следить за тем, что творится снаружи. Полицейские пришли и ушли. Один из них, лысоватый коротышка, вроде бы начальник, давал указания остальным. Он нервничал, без передышки трындел по мобильнику и то и дело покрикивал. Было слышно, как он сердито говорит:

– Отправьте его назад! При чем тут я, если эти ослы не передали ему сообщение!

Потом Зеев услышал, как он кричит в трубку:

– Это ждать не может! Я с утра пытаюсь ее поймать и больше ждать не могу. Вытащите ее с заседания!

Позже этот полицейский зашел во двор перед домом, чуть не свалился, споткнувшись о камень, и начал шарить в кустах, но ничего там не нашел. Двигался этот человек как-то неуклюже. Потом он задрал голову – наверное, чтобы встретиться глазами с ментом на третьем этаже. Зеев не знал, что ищет полицейский и успел ли он заметить взгляд, который перед тем, как Зеев юркнул в подсобку, проследил за ним сквозь щелку в жалюзи на втором этаже. Затем во двор на несколько минут спустилась Хана Шараби в сопровождении трех копов. Она что-то им объясняла, помогая себе жестами. Вроде бы куда-то их направляла. Раздвинь Зеев жалюзи, он бы услышал, что они говорят. Из окон выглядывали люди. В соседних домах – тоже. Ни мужа Ханы Шараби, ни ее детей видно не было.

Зеев постарался сосредоточиться на контрольных. Раздел про времена проверить было легко, а вот сочинения требовали сосредоточенности. Тема: «What will the world look like in 25 years»?.[2 - Каким будет мир через 25 лет (англ.).] Это связано с рассуждениями о будущем, а также с диспутом, который Зеев предложил провести в классе после прочтения нескольких страниц из книги «О дивный новый мир» Олдоса Хаксли. После каждой проверенной тетради он искал в новостных сайтах или в «Гугле» какое-то сообщение, связанное с городом Холон или с фамилией Шараби. Эли проспал больше двух часов, гораздо больше, чем обычно спал днем, и Михаль успела помыться и

переодеться. Пока она была в душе, ее мужу вдруг показалось, что в доме никого нет, и это была минута короткой душевной разрядки. Потом жена вернулась на балкон и поцеловала Зеева в щеку.

– Как продвигаемся? – спросила она, и он ответил, что закончит вовремя. И налил себе чаю с молоком.

* * *

Вскоре после трех Эли проснулся и, как всегда, заревел. Зеев по-быстрому закончил проверять последнее сочинение и сменил жену. Она перешла на балкон и присела к письменному столу, за которым он только что работал, – готовиться к завтрашним занятиям. Зеев сидел с Эли в гостиной на ковре и играл с ним в кубики. Построил из разноцветных деревянных кубиков башенку, а ребенок разрушил ее и гордо и радостно воззрился на отца. Потом Зеев попытался заинтересовать его двумя книжицами в цветных картонных обложках, в одной из которых было зеркальце, и на пару минут это сработало. Мужчина был натянут, как струна, но натянут как-то по-хорошему, будто перед боем. Он боролся с желанием запихнуть Эли в батут у телевизора и спуститься проверить, что там, внизу. Но малыш, видимо, это пронюхал: он заорал и попытался уползти к мамочке.

– Вытащу-ка я его погулять. Тебе в бакалее ничего не нужно? – спросил Зеев у Михали.

Первое объявление он увидел на электрическом столбе. На стандартном листке формата А4, прилепленном скотчем к бетону, красовалось чуть затушеванное лицо Офера. Смуглое, очень худенькое – черные запавшие глаза, маленький нос, маленький рот, пробивающиеся над ним волоски черных усиков, которые давно бы пора сбрить. На картинке он выглядел серьезным. Глядел без улыбки, прямо в камеру. Зеев помнил это лицо, знакомое и серьезное. Он подумал, что на фотографии Офер похож на мексиканца и что на ней не заметно ни следа его деликатности. Это было больше похоже на портрет подозреваемого в преступлении, а не пропавшего мальчика.

Над фотографией была сделана надпись крупными жирными буквами: «РАЗЫСКИВАЕТСЯ», а внизу виднелось еще несколько строчек:

Офер Шараби.

Пропал 4.05, утром. Возраст: 16 лет. Телосложение: очень худощавый. Волосы: короткие черные. Рост: средний.

Просим тех, кто его видел, связаться с семьей или с израильской полицией.

Внизу шли номера телефонов. Интересно, подумал Зеев, кто составил эти объявления. Он решил, что это явно не полиция. Они были расклеены по всей улице Гистрадрут, на всех электрических столбах и на столбах с дорожными знаками. Мужчина заколебался: не стоит ли незаметно сорвать одно из них и забрать домой – вдруг понадобится? Интересно, это мать Офера их заказала? Напротив был дом престарелых, и какой-то пожилой человек так приблизил свои очки к одному из объявлений, что чуть не проткнул его носом. На нем была старая рубашка в клеточку, а в руках он держал светло-коричневую кожаную сумку. Эли не находил себе места, все пытался высвободиться из ремешков коляски. Отец с сыном повернули направо, на улицу Шинкар, пошли к киоску, стоявшему на углу Хома-у-Мигдаль, и Зеев купил ребенку пакетик бамбы?,[3 - Бамба – популярное в Израиле хрустящее лакомство из арахиса, подобное кукурузным палочкам.] который открыл и положил к его ногам. На другой стороне он увидел Симу, соседку с первого этажа – она отрывала зубами полоску скотча и приклеивала объявление с фотографией Офера к автобусной остановке. Зеев повернул к дому. Полицейский участок был совсем рядом.

* * *

Менты постучались к ним в дверь где-то к вечеру, раньше, чем он предполагал. Это был первый сюрприз. Михаль с Зеевом как раз начали готовить Эли к купанию. Глава семьи открыл дверь двум полицейским. Один из них был тем самым неуклюжим кортышкой, которого он заметил днем с балкона, а другой – молодой девицей; ее он раньше не видел.

– Простите за беспокойство, – сказал коротышка, – но вы, конечно, знаете, что сын ваших соседей не появлялся дома со вчерашнего дня. В целях его розыска мы опрашиваем всех соседей и хотим задать вам несколько вопросов, если это, конечно, не нарушает ваш распорядок.

Михаль вышла из ванной с Эли на руках – он был уже голенький, и Зееву показалось, что гость смутился. Хозяин квартиры не стал зажигать свет, погасший на лестнице, да так и остался стоять в темноте.

– Может, вам будет удобнее, чтобы мы вернулись попозже? – предложил полицейский. – Мы пока поговорим с другими соседями?

Но Зеев пригласил их войти и сказал:

– Нормально. Время подходящее; малыш будет рад, что купание отложено.

Эли глядел на вошедших ментов серьезно и внимательно, как всегда, когда приходили гости. На серебряном значке, блестевшем на нагрудном кармане у женщины-полицейского, значилось ее имя – Лиат Манцур. Зеев снова почувствовал внутри взрыв – как и в обед, когда, вернувшись домой, увидел полицейские машины. Тот, другой, что внутри, выскочил и застыл в напряжении. Может, это только начало… Нужно запомнить каждую деталь.

* * *

Менты снова его удивили. Зеев не думал, что их с Михаль будут расспрашивать порознь, и не понял, почему старший решил уединиться с его женой на кухне, а его самого оставить в гостиной с Лиат Манцур. На кухонном столе еще стояла голубая пластмассовая тарелочка Эли с остатками овощного пюре, а вокруг валялись катышки хлеба и крошки.

– Чего-нибудь попить? – спросил Зеев сотрудницу полиции.

Она, отказавшись, положила на колени темную пластмассовую дощечку, а на нее – листок бумаги, разделенный черной ручкой на три колонки. В шапке каждой колонки было написано несколько строчек. Зеев сидел на диване, а Лиат – напротив, на краешке кресла.

– Мы сейчас на стадии сбора информации об этом подростке, – сказала она. – Нам важно знать, когда вы видели его в последний раз – может, случайно встретились с ним вчера или даже сегодня, – и какое у вас сложилось

впечатление?

Они, как видно, работали по какой-то схеме, согласно которой положено опросить соседей, задать им несколько однотипных вопросов, даже если не извлечешь из этого никакой пользы. Манцур не смотрела ни на что в комнате – ни на единственную картину, висящую напротив дивана над шатким буфетом, репродукцию «Спальни в Арле» Ван Гога, ни на уродский коричневый диван, на котором лежала белая накидка с черными полосками, прикрывавшая пятна и защищавшая его от пятен дальнейших, ни на разбросанные по полу игрушки, придающие гостиной вид склада. Полное равнодушие. Но ее глазами Зеев видел, какой временной выглядит эта квартира и какой тусклый свет у люстры, освещающей ее вечером.

– Я не видел Офера ни вчера, ни сегодня, – сказал он. – А вообще он кажется мне мальчиком симпатичным и замкнутым.

Лиат что-то записала черной ручкой. Интересно, что?

– Я буду за вами записывать, – сказала она. – Не против? Может, вспомните, когда вы в последний раз его видели?

– Точной даты не припомню. Наверняка на этой неделе. На лестнице. Я преподаю в гимназии, поэтому мы выходим из дома в одно и то же время и иногда сталкиваемся.

– По вашему мнению, он выглядел таким, как всегда, или в его поведении было что-то необычное? Ничего не заметили?

Зеев начал злиться. До него долетал не разговор Михали со старшим ментом, а рев завернутого в сухое полотенце Эли, который сидел на коленях у матери и заводился все сильней и сильней. Малыш устал, да и не мог смириться с тем, что двое взрослых занимаются друг другом, а не им.

– Может быть, все-таки попьете чего-нибудь? – спросил Зеев в надежде зайти на кухню. Он все еще колебался, на каком витке разговора стоит удивить гостью. Или сохранить сюрприз для ее командира?

– Нет, спасибо, ничего не надо. Знаете ли вы что-нибудь про пропавшего или про его семью, хотели бы с нами чем-нибудь поделиться? Может, иногда оттуда доносятся ссоры, разборки, крики?

Старший мент предпочел взять в собеседницы его жену. Видимо, решил, что она больше времени проводит в квартире и лучше осведомлена о том, что творится в доме.

– Да нет, – сказал Зеев. – Иногда шум долетает – у них трое детей, и живут они прямо над нами. Но в последнее время главные крикуны – это вроде как мы.

Он улыбнулся и подумал, поняла ли собеседница, что он имеет в виду. Ее голова была склонена над лежащей на коленях пластмассовой дощечкой; взгляд устремлен на листок бумаги, как у близорукой ученицы на контрольной.

– Мы переехали сюда чуть больше года тому назад, перед рождением Эли, – продолжил рассказывать Зеев. – Раньше жили в Тель-Авиве, да я и сейчас работаю в Тель-Авиве. Преподаю в городской гимназии «Алеф», возле «Синематеки», если вы знаете, где это.

– И какое у вас сложилось общее впечатление от этого подростка – что он хороший мальчик? Или у вас с ним случались конфликты?

Блин. Она не выслушивала даже ответов на обычные вопросы, которые сама же и задавала!

– Ни в коем случае. Я же сказал вам, он производит впечатление приятного и замкнутого парнишки. – Зеев с минуту поколебался, а потом снова бросил взгляд на кухню и добавил: – Я знаком с ним гораздо ближе, чем просто по-соседски.

Лиат не подняла головы. Она продолжала писать.

– Что вы имеете в виду?

– Я имею в виду, что в течение четырех месяцев давал ему частные уроки по английскому языку.

– И какой он был?

– Что значит, какой он был? Вы имеете в виду, какой он был ученик?

– Какой ученик, какой человек, какое он производил на вас впечатление…

Этот повтор слова «впечатление» вызвал у Зеева усмешку.

– Такое впечатление, что он парнишка, который серьезно хочет учиться. Но что английский – не самая сильная его сторона. Мальчик он деликатный и приятный. Замкнутый, как я уже и сказал. Вы можете представить, что я сталкиваюсь с большим количеством подростков, но Офер – он особенный. Мне кажется, что между нами установился тесный контакт.

– И он не говорил вам о том, что хочет сбежать? Может, о суициде? О проблемах в школе?

– Никогда. Мы в основном говорили о его занятиях, а на английском он ничего не говорил ни о суициде, ни о побеге.

– То есть вы хотите сказать, что проблем у него не было?

– Этого я не говорил. Я сказал, что мы про это не говорили. А можно спросить, почему вы употребляете прошедшее время? Это как-то страшновато.

– Нет, извините, – сказала Манцур, – это просто форма речи.

Тут она поднялась с кресла и добавила:

– Подождите минутку. Мне нужно кое-что спросить.

Полицейская пошла в кухню. Как странно: Зеев не знал, можно ли ему встать с места в собственном доме. Через минуту Лиат вернулась с его женой и с коротышкой-ментом, но все трое пошли к двери. Хозяин дома встал с дивана и присоединился к ним. И это было третьим сюрпризом.

Коротышка сказал:

– От вашей жены я узнал, что вы давали Оферу частные уроки по английскому. Тогда я, возможно, зайду попозже и задам вам еще пару вопросов. А пока – большое спасибо за помощь.

На лестнице было темно и очень тихо. Будто расследование закончилось. Они стояли по обе стороны от порога. С одной стороны, в темноте – двое полицейских, с другой – мужчина, женщина и младенец. И между ними снова открытая дверь. Где же Хана Шараби? У себя в квартире? И у нее сидят копы?

– Пожалуйста, – сказал Зеев, – хотя я не знаю, помогли ли мы вам. Буду рад помочь больше. Если, например, понадобится помощь в поисках. Не знаю, какие у вас планы. А вы продолжите розыски и ночью?

Мент вроде как удивился, будто не подумал о возможности ночных розысков. Зеев нащупал на стене у двери выключатель и, включив свет, увидел, что имя полицейского – Ави Авраам и что он достал пачку сигарет и крутит ее в пальцах.

– Спасибо, – сказал Авраам, – может быть, мы проведем прочесывание местности. Пока мы еще точно не знаем, где и когда это сделаем. Но будем рады вашей помощи и помощи других соседей.

Он все еще обращался больше к Михали, чем к ее мужу.

– А у вас есть предположение, где Офер? – решился спросить Зеев.

Авраам выглядел напряженным.

– Пока, к сожалению, нет, – сазал он. – Надеемся найти его как можно скорее.

И вдруг он взглянул на хозяина квартиры и спросил:

– А может, лично у вас есть какие-то идеи?

Зеева поразила прямота, с которой был задан этот вопрос. Свет на лестнице погас, и он снова включил его. Впервые с тех пор, как пришли менты, он

почувствовал, что кто-то с ним говорит. Но сказал лишь:

– Хорошо бы!

Их дверь была единственной дверью в доме, на которой не было таблички с фамилией семьи – одни лишь цветные наклейки с именами слесарей, сантехников и электромонтеров, да треугольный магнитик пиццерии. И Лиат даже не спросила его фамилию.

* * *

Пока они мыли Эли, Зеев, как бы походя, спросил у Михали:

– И о чем же тебя спрашивали?

Его злило, что она первая не задала ему этот вопрос. И что сама не рассказала, о чем говорила со старшим ментом. Обида на то, что Авраам предпочел побеседовать с Михалью, не исчезла – наоборот, после короткого разговора возле двери Зееву стало еще горше.

– Ну, о том же, что и тебя. Насколько хорошо я знаю Офера. Не заметила ли чего-то необычного, видела ли здесь его приятелей или каких-нибудь подозрительных типов, с которыми он водится…

– И что же ты ответила?

– Что нет. Что в начале года ты дал ему несколько частных уроков у них в квартире, что у нас он не бывал и что я с ним никогда не разговаривала, кроме «здрасте» на лестнице. Может, разок спросила, как продвигается его английский или что-то в этом роде. Я сказала, что на этой неделе вроде как и вправду слышала оттуда спор или ссору, вечером, довольно поздно, и мне показалось, что это было позавчера, во вторник вечером, перед тем как он пропал. Но что я понятия не имею, кто спорил и о чем, и имеет ли это отношение к Оферу – может, просто его родители ссорились между собой.

Пятый сюрприз. Зеев был поражен.

– Ты что, вправду слышала? – спросил он.

Его жена засмеялась.

– А ты считаешь, я бы просто так болтала? Ты-то разве не слышал?

– Не помню, – ответил мужчина, – наверное, я уже спал. Может, это было у них по телевизору?

– Да знаешь, все может быть, – согласилась Михаль.

После того как она укачала Эли, они сидели за легким ужином и смотрели по телевизору «Рождение звезды». В новостях ничего не было. Михаль вернулась на балкон и продолжила работать, а Зеев открыл «На берегу» Макьюэна, очень короткий элегически-грустный роман о любви, ускользнувшей из-за взаимного недопонимания. Он читал его в последние дни, каждый раз по паре страниц, и, откладывая книгу, всегда ощущал великую печаль. Ему нравились лаконизм и точность деталей у английского писателя, которого он раньше не читал. Эли заплакал, и Зеев пошел в его комнату и сунул ему соску. От последнего стакана чая он отказался и теперь сидел и ждал инспектора Авраама, решив, что предложит ему выпить по чашечке кофе. Этот день принес меньше, чем обещал. А Зеев чувствовал, что ему так много нужно сказать… Он услышал голоса на лестнице – кто-то поднимался и спускался, но нельзя было понять, связано ли это с поисками Офера или кто-то идет по своим делам. Соседи вошли и вышли, зазвонил звонок, и кто-то сказал:

– Это я.

Хлопнула дверь, зажегся и погас свет. На улице поредела череда машин, а после одиннадцати в доме воцарилась тишина. Авраам не придет. Зеев вернул в кухонный шкафчик две чистые чашки, стоящие наготове на столешнице, переоделся в ванной, почистил зубы и лег в кровать.

Михаль, как всегда, пришла в спальню вскоре после этого. Она разложила на кровати пижаму, разделась на глазах у мужа и, глядя, как он читает, стала медленно надевать пижаму. Зеев не отводил глаз от книги. Когда женщина сняла лифчик, в комнате повеяло чем-то непристойным. Она раздевалась перед чужим человеком, которого еще не знает.

– Думаешь про Офера? – спросила Михаль, и он ответил:

– Да.

– И что думаешь?

– Что, может, мы поучаствуем в поисках. Если они будут проводиться в уик-энд. Оставим Эли у твоей мамы или возьмем его с собой в кенгурушнике.

– Думаешь, Офер сбежал из дому?

– Не знаю. У меня такое впечатление, что он не такой уж самостоятельный и сильный мальчишка. Чтобы так вот сбежать, нужна смелость. Уже вторая ночь с тех пор, как он исчез. И где-то же он должен ночевать…

Эти слова вызвали у Михали дрожь.

– Настоящая опасность, – сказала она. – Я вообще не могу себе представить, что она сейчас чувствует. Две ночи, когда ты понятия не имеешь, где твой сын… Ужасно!

Зеев задремал еще раньше – он внезапно нырнул в сон. Только что бодрствовал – а через секунду его глаза сомкнулись. Жена поглядела, как он тихо дышит, и пошла в детскую, проверить, накрыт ли Эли. Когда она укутывала его одеялком, малыш вздохнул, протянул к ней ручонки и пролепетал во сне что-то невнятное.

3

В пятницу утром его разбудил длинный звонок в домофон. Было поздно, гораздо позже, чем он обычно просыпался.

– Посылка для Ави Авраама, – послышалось из-за двери, и он отпер ее.

Во рту у него было сухо и прогоркло оттого, что он мало спал после длиннющего дня, в течение которого выкурил почти три пачки «Тайма». Курьер цветочного магазина был в шлеме. Он спрятался за букетом цветов в розовых, сиреневых и белых тонах – лилии, лизиантус, герберы и множество зеленых листьев – и, отцепив поздравительную открытку, прочел:

Дорогой Ави,

Поздравляем тебя с твоим тридцативосьмилетием. Желаем здоровья, счастья и дальнейших успехов в жизни – всех, каких ты только пожелаешь.

Любящие тебя папа и мама.

Авраам не стал перезванить, чтобы поблагодарить за цветы, и положил букет на кухонный стол, пока без воды. Слишком яркий дневной свет бил в подсобный балкон. Инспектор поставил на конфорку турку с водой и турецким кофе на два стакана и пошел в ванную смыть остатки тяжелого сна. От тарахтенья стоящего у дома грузовика трясся пол. Это так отличалось от обычной тишины, в которой он привык просыпаться! Обычно инспектор вставал без всякого будильника раньше шести утра, чистил зубы, прохаживаясь по квартире, в которую проникал лишь слабый свет, включал в кухне чайник, переходил в гостиную, открывал жалюзи и, не прерывая чистки зубов, глядел на темную улицу, где не было почти никакого движения – только ряды машин, застывших вдоль тротуаров. Иногда пройдет человек, спешащий до света на работу, а то вдруг защебечет какая заблудшая птица…

А может, шум шел и не снаружи. Может, он был в нем самом. Авраам проснулся с чувством страшного беспокойства, будто услышал звонок домофона – и тут же некий внутренний самосвал вывалил на него весь вчерашний день. Все картины, все разговоры. Эту сумятицу, Хану Шараби, увиденную сквозь заляпанную стеклянную дверь, бесконечные звонки по мобильнику, разговоры с участком, ощущение, что все вышло из-под контроля, Игоря Кинтаева, соседей, пялящихся с балконов на улице Гистадрут, ночную езду по городским улицам, одинокую, бесцельную…

* * *

Накануне Авраам тоже как проснулся – сразу подумал про Хану Шараби. Было без десяти шесть. Он проверил мобильник и увидел, что за всю ночь не пришло никаких сообщений. И нельзя было понять, плохой это знак или хороший.

Инспектор отказался от пешей прогулки и поехал на машине, чтобы, если что, быть за рулем. Еще до половины восьмого он вошел в почти пустой участок. Дежурный сказал, что ночью сообщений по поводу пропавшего мальчишки не поступало, и утром тоже никто не просил связаться с матерью или узнать, не вернулся ли тот домой.

Следующие два часа были жуткими. Пустота. Авраам посылал электронные письма, заполнил бланк с личными данными, который нужно было передать в отдел кадров для поездки в Брюссель, почитал заголовки на сайте газеты «ХаАрец» и просмотрел дело Кинтаева, чтобы потом продолжить расследование. Сложенный вчетверо листок с краткой записью вчерашней беседы с матерью Офера лежал у него на столе, там, где Авраам его забыл.

За период с ночи между средой и четвергом в полицейских записях не было ничего, связанного с Офером Шараби. Случился пожар в страховом агентстве на первом этаже здания на улице Эйлат – у бригады пожарных возникло подозрение, что это поджог. На улице Гиват ХаТахмошет, в нескольких сотнях метров от его дома, украден мотороллер… Авраам мог бы позвонить Хане, развеять эту неопределенность, но у него было смутное ощущение, что судьбу лучше не теребить. Если она не позвонила сама, значит, всё в порядке, и желательно не ворошить этот порядок телефонными разговорами. А если это не так, если грядет беда, так лучше переждать, не подгонять события.

Он вышел из кабинета – приготовить себе стакан кофе и скопировать на ксероксе, стоявшем за стойкой дежурного, один документ из папки Игоря Кинтаева. В участке уже царила утренняя атмосфера. Перед стойкой толпились ведущие разговоры посетители. Две девицы из транспортного отдела стояли и трепались у входной двери. И тут Авраам увидел ее. Она стояла за дверью, и он заметил ее сквозь заляпанное стекло. Как и думал инспектор, на ней была та же одежда, что и накануне вечером. Та же потертая кожаная сумка на тонком ремешке висела через плечо, тот же самый мобильный телефон в руке, словно она не расставалась с ним с тех пор, как они распрощались.

Боль, которую испытал инспектор, увидев ее, поразила его самого.

Офер не вернулся.

Авраам Авраам на минуту застыл, а потом отошел от ксерокса и быстро двинулся к Хане. Он хотел положить руку ей на плечо, но, заметив, что она не одна, посмотрел на стоявшего рядом с ней мужчину и тихо спросил:

– Еще не вернулся?

– Я – дядя Офера, – сказал этот мужчина. – Брат позвонил мне в шесть утра и рассказал, что случилось. Вы – тот полицейский, с которым она вчера говорила?

Авраам не ответил. Он повернулся к Хане Шараби и спросил:

– Ничего от него не слышали?

Но женщина продолжала молчать, будто присутствие деверя превращало ее в полную ненужность.

– Ничего, – сказал тот. – Вы сказали ей, что утром объявите его в розыск.

Полицейский быстро провел их в свой кабинет – так, чтобы никто не заметил.

* * *

Они пробыли в участке до позднего утра. Авраам почти не выпускал из рук трубку – обзванивал приемные покои больниц, просматривал по Интернету все, что случилось за ночь, проверял данные во всех центрах информации. Каждые несколько минут он выходил из кабинета, пытаясь поймать по телефону Илану. Но ее мобильник был отключен, и секретарша из сыскного отдела сказала, что она в центральном управлении, на заседании. Ему надо было с ней посоветоваться. А главное – быть первым, кто все ей доложит.

Хана Шараби была еще тише, чем накануне. Инспектор спросил ее, не хочет ли она чего-нибудь попить, и женщина отрицательно покачала головой. А когда он задавал вопросы про Офера непосредственно ей, отвечал этот самый ее родственник. Один раз Авраам спросил про рост мальчика, и его дядя сказал:

– Метр шестьдесят пять.

Тогда мать вмешалась и поправила его:

– Метр семьдесят.

Весил Офер примерно шестьдесят килограммов. Инспектор попытался сделать с помощью его родных короткое объявление о подростке, получил их согласие вывесить его на сайте полиции и на страничке «Фейсбука» и объяснил, что в такой же форме объявление будет передано в СМИ. Мать пропавшего положила на стол полиэтиленовый пакетик, в какие кладут бутерброды, и вынула из него шесть фотокарточек Офера. Этот миг не выходил потом у Авраама из головы всю ночь, пока он не заснул. У него не было времени рассматривать эти фотокарточки, и ночью он понял, что свалял дурака. Увидел бы он в них хоть что-то? Может, и да, но даже если нет, матери хотелось, чтобы он посмотрел на Офера. Чтобы что-то сказал о нем. Он спросил, какая фотокарточка самая последняя, и отнес их все на сканирование, а по дороге назад вспомнил, что в час из камеры предварительного заключения в Абу-Кабире должны привезти Игоря Кинтаева, и позвонил, чтобы это отменили. У него в запасе еще четыре дня – есть время. Авраама поражало, что в течение всего утра ему не предъявляли никаких претензий. Ни дядя, ни мать мальчика. Они не кидались на него за то, что он не начал розыск прямо тут же, и не упомянули, что предыдущей ночью ни один израильский полицейский, кроме него самого, не был извещен об исчезновении Офера. То, что на него не кидаются, только все усугубляло – так ему казалось. Ближе к обеду инспектор смог организовать временную группу из пяти полицейских, среди которых были молодая девица из транспортного отдела, вызвавшаяся после смены поработать еще, и следователь из вычислительного отдела, присоединившийся к нему для короткой поездки с участка на улицу Гистадрут.

Когда они влезли в машину, Авраам Авраам подумал, что это, наверное, первая поездка Ханы Шараби в патрульном автомобиле. Он взглянул на нее в зеркало, пока она пристегивалась ремнем безопасности на заднем сиденье.

В дальнейшем главным его ощущением было то, что все пошло наперекосяк. Что ему не удается управлять своей временной группой и ситуацией, как бы ему того хотелось. И все из-за Иланы – по крайней мере, так он чувствовал. Ее отсутствие мешало логично думать, а почему – он и сам не понимал. Ну правда, что за бред – старший офицер полиции исчезает посреди бела дня, и его

невозможно разыскать!

Несмотря на это, Авраам попытался начать расследование дельно, продуманно. Таково было его железное правило. Перво-наперво нужно было спокойно побеседовать с Ханой Шараби. Но оказалось, что это невозможно. Ее квартира превратилась в жужжащий улей. Всюду крутились полицейские, толкались соседи, а дядя Офера притащил еще родственников и не оставлял его мать ни на минуту, следуя за ней повсюду, как телохранитель. Непрерывно звонил телефон. Почти каждый раз – новый рингтон, а порой и тот же самый, и сразу трое или четверо искали мобильники в своих карманах – все считали, что звонят именно им. Авраам приказал сотруднице транспортного отдела навести в квартире порядок и не пускать лишних людей. Ему виделось так, что в этом сокрыт ключ к решению проблемы. Вот посидит он с матерью пару минут, задаст ей вопрос, которого еще не задавал, да еще и не придумал, – и вытянет из нее информацию. Какую – он и сам не знал. И все прояснится. Она вспомнит что-то, что Офер ей сказал. Про дружка, который совсем вылетел у нее из головы. И они узнают, как его искать. С тех пор, как исчез Офер, прошло чуть больше суток, все еще возможно.

Инспектор сел в машину, чтобы все продумать. И тут ему позвонили из участка и сообщили, что Игорь Кинтаев доставлен. В первый раз за весь день Авраам повысил голос – заорал, что два часа назад позвонил и отменил этот привод и что пусть Кинтаева немедленно отвезут обратно в камеру. Женщина, которую Авраам перед этим видел в квартире Ханы, подошла к его машине и спросила, можно ли развесить на улицах объявления. Инспектор покрутился возле дома, покурил и снова попытался поймать Илану. Ринат Пинто, которую послали поспрашивать в школе Офера, вернулась без всякой информации. Они встретились возле дома, и она спросила Авраама Авраама, не стоит ли расспросить еще каких-нибудь учителей и учеников. А до Иланы все было не достучаться. Следователь из вычислительного отдела решил, что ему правильнее будет вернуться в квартиру, и, позвонив ему сверху, сказал, что первичный просмотр электронной почты не дал никакой существенной информации, после чего спросил, не стоит ли попросить у семьи разрешения взять на проверку жесткий диск.

– Погоди минутку, я уже поднимаюсь, – ответил ему Авраам и вернулся в квартиру, где попросил у хозяйки разрешения покурить на балконе.

Полковник Илана Лим позвонила только после трех. И говорила она холодно. Формально. На фоне ее голоса слышались какие-то другие – возможно, там, где она находилась, было включено радио. Или она сидела с кем-то в машине… Авраам вышел на балкон, чтобы во время разговора вокруг никого не было, закурил сигарету и положил пачку и зажигалку на подоконник открытого окна. Зажигалка упала во двор. Он проинформировал Илану о начале расследования, не упомянув о приходе матери в участок накануне вечером. Его коллега ответила, что, как ей кажется, на этом этапе он все делает правильно и она не видит причин превышать обычный уровень расследования.

– По-моему, особой срочности нет, – добавила Лим.

«Что значит, особой срочности нет? – хотелось возмутиться Аврааму. – Мы ведь так и не знаем, где парень провел эту ночь!» Но вместо этого он спросил:

– А завтра?

Инспектор не знал, почувствовала ли собеседница напряженность в его голосе.

– Что значит «а завтра»? – переспросила она.

Не почувствовала.

– Завтра пятница. Если я хочу провести расширенный поиск, нужно набрать людей.

– Пока причин нет, – возразила Илана. – Ави, у тебя еще полная неясность. И пока из твоих слов я делаю вывод, что и зацепки никакой нет, так?

Он уже говорил ей, что у него в кармане – ноль, и не понимал, зачем она снова на это давит, да еще и в присутствии сидящего рядом с ней человека.

– Как только у тебя появится зацепка, организуем группу расследования, – добавила женщина. – Это труда не составит.

– Есть шанс, что ты сегодня окажешься в этом районе?

– Вряд ли. Я выезжаю из Иерусалима, и после обеда у меня заседание. Но если возникнет срочность – звони. Держи меня в курсе о продвижении дел. Если будут новости – так и вечером, и в уик-энд. Лады?

Илана говорила таким тоном только из-за человека или нескольких людей, сидевших с ней рядом. Аврааму показалось, что рядом с ней был кто-то важный. Может, начальник округа или его заместитель. Разговор с ней в итоге ничего не дал.

* * *

Лишь вечером на дом, стоявший на улице Гистадрут, опустилась тишина. Все были распущены по домам или закончили свои дела. Примерно за сутки до этого, после разговора с матерью Офера, Авраам вышел из участка и пешком пошел к этому дому. Он попросил Лиат Манцур присоединиться к нему и опросить соседей. Они переходили от квартиры к квартире, но все беседы оказались зряшними. Никто ничего не слышал, никто ничего не видел, никто не был знаком с Офером Шараби, если не считать вежливых бесед в подъезде. Кроме соседки с первого этажа, той, что попросила разрешения развесить на улице объявления. Эта женщина сказала, что она «близко знакома с семьей» и что Офер – «золотой парнишка», и заплакала.

Перед тем как уйти из этого дома, Авраам Авраам зашел напоследок в ту квартиру. Дверь была заперта, и он тихо постучался. За те несколько секунд, пока ее не открывали, он успел подумать, что каждый стук в дверь может свести мать пропавшего подростка с ума. И громко сказал из-за двери:

– Это инспектор Ави Авраам, можно войти на секунду?

Ему открыла женщина лет пятидесяти – жена дяди Офера, уже приготовившаяся ко сну. Она взяла на себя управление домом. Хана сидела в гостиной на черном кожаном диване, а рядом с ней устроилась девочка примерно такого же возраста, что и Офер. На столе перед ними стояли тарелочки с орешками, открытая бутылка с низкокалорийными напитками и стаканы с недопитым кофе. Как на шиве?.[4 - Шива (у евреев) – семь дней траура после похорон.] Телевизор был включен на второй канал.

Авраам Авраам замер перед ними посреди гостиной, между диваном и телевизором, не зная, что делать.

– Все, на данную минуту мы здесь закончили, – сказал он, – и я возвращаюсь в участок. Вам стоило бы немножко поспать.

– Скоро пойдем, – сказала мать Офера, но глаза ее спрашивали: «Неужели он и вправду думает, что я улягусь спать?»

– Я приду завтра утром, – добавил инспектор. – А если что-то произойдет ночью, звоните в любое время. У вас ведь есть номер моего мобильника, правда?

Тетя Офера проводила его к двери и прошептала, что они с дочерью «останутся ночевать».

* * *

Авраам высадил Лиат Манцур на улице Наот Рахель и, вместо того чтобы отправиться домой, бесцельно поехал дальше.

Возвращаться в участок смысла не было.

К провалу в прошлый вечер добавился очередной провал. Авраам вел себя не так, как подобает начальнику расследования. Он действовал необдуманно, он запаниковал. Не сделал перерыва, чтобы все обдумать. Не пронаблюдал. Не выслушал. Что бы ни случилось с Офером, где бы тот сейчас ни находился, тут история, которая говорит сама за себя. А инспектор ее не выслушал. И он не только не знает, чем эта история закончится, – он не знает даже, как она началась. У него нет никакого представления об участниках этого дела. Это то, с чего он должен начать завтра. Выслушать историю, разузнать про Офера Шараби и, если выйдет, также про его мать и отца, плывущего сейчас на грузовом судне в Триест, и про брата с сестрой, которых Авраам еще не видел.

Как и вчерашним вечером, он все шептал по дороге домой: «Потихоньку-полегоньку».

Инспектор дважды проехал по улице Соколов туда и обратно, глядя на множество заполнявших ее подростков. В основном они болтались на площади Вайцмана и возле окружавших ее зданий. Четверг, полдвенадцатого ночи. «Арома» и «Какао» полнехоньки, перед входом в «Кафе-Кафе» – очередь из желающих туда попасть. Улица, которая утром принадлежит взрослым, владельцам магазинов и покупателям, ночью становится достоянием молодежи. Авраам замедлил ход машины, почти остановился. На большом экране, висящем снаружи на стене кафе, показывали спортивные новости. В те времена, когда он сам был мальчишкой, в Холоне кафешек не было. Парочка кафе-мороженых, маленькие убогие пиццерии, которые открывались, закрывались и опять открывались под новым названием, да отделение «Сами-бурекас», где в какое-то лето он подрабатывал. У него пока что не было возможности узнать, являются ли эти кафетерии или сидящие в них люди частью истории, которую он должен распутать.

Инспектор остановился на площади Струма, решив купить фала`фелей?.[5 - Фалафель – блюдо, представляющее собой жаренные во фритюре шарики из измельченного нута, иногда с добавлением фасоли, приправленные пряностями.] Машину он поставил на тротуаре. Несмотря на ночь, очередь была длиннющая. Кучка мальчишек и девчонок обступили парня – вроде кого-то известного по спортивным страничкам в газетах. Из-за позднего часа и из-за того, что ему не хотелось тратить всю наличность из кошелька, Авраам купил только полпорции. Он поел вблизи от нескольких ребят, которые стояли, прислонившись к красному «БМВ», попробовав вслушаться в их разговоры. Инспектор был настолько старше их! В самом деле – уже полночь, и ему стукнуло тридцать восемь. Сколько воды утекло с тех пор, как он в последний раз вышел в такой вот час покайфовать в пабе или в ресторане? Авраам сел в машину и поехал дальше, а затем, увидев кого-то, одиноко идущего по тротуару, остановился у какой-то припаркованной машины, где в темноте сидела парочка.

Все это напомнило ему другие времена и пробудило в нем странное чувство двойственности. Словно он был и самим собой, и кем-то другим, кем-то, кого больше нет. После двух инспектор припарковал машину у своего дома на улице Йом Кипур, включил в квартире свет, посмотрел в пустой экран телевизора, а потом пошел на кухню и налил себе стакан воды. Так вот и празднуем? Эта мысль рассмешила его. Заснул он не скоро.

* * *

Через полчаса после звонка домофона зазвонил и мобильник. Авраам Авраам был уже в штатском – в чистых джинсах и просторной рубахе с воротником поло, единственной, в которой ему было комфортно. Звонила его мать.

– Ты уже проснулся? – спросила она, как будто в этот час он обычно еще спал. – Нам хотелось тебя поздравить. Помнишь, что у тебя сегодня день рождения, а? И что раньше ты всегда приходил к нам?

Про цветы, лизиантус и герберы, она не упомянула, хотя Авраам должен был ее поблагодарить. Она передала трубку отцу, и тот поздравил его словами, написанными на открытке, будто прочел с листка:

– Мы желаем тебе только здоровья и всяческого счастья, какого только захочешь, продвигайся и преуспевай во всем.

Может, мать знала, что никто не позвонит, чтобы его поздравить, и поэтому подсуетилась и сделала это дважды – один раз на открытке и в другой раз по телефону? А может, она думала, что поздравлений будут десятки, и хотела всех опередить?

Перед тем как выйти из квартиры, Авраам Авраам все же поставил розово-бело-сиреневый букет в вазу, которую нашел в кухонном столе, налив туда воды. Сдирать с букета шуршащий целлофан он не стал.

* * *

В отличие от большинства полицейских Авраам любил приходить в участок в пятницу утром. Других планов у него никогда не имелось.

В участке стояла обычная пятничная тишина. Давид Эзра, дежурный утренней смены, выглядел развеселым и трепался с кем-то по телефону. Отодвинув трубку от губ, он прошептал Аврааму:

– Пришел поработать над делом мальчишки? Минутку, – и протянул ему короткий список звонков по поводу Офера, поступивших со вчерашнего дня, – с указанием имен, номеров телефонов и парой слов, которые звонившие просили передать.

– И это всё? – спросил инспектор. Эзра кивнул и продолжил свой треп.

Накануне из-за спешки и из-за присутствия в кабинете матери с дядей Офера Авраам забыл выключить свой комп перед выходом на улицу Гистадрут, и тот все еще работал. Он прошелся по списку позвонивших и отметил некоторые из имен синими звездочками, после чего открыл на «Фейсбуке» полицейскую страницу пропавших людей – и был поражен ничтожным количеством сообщений по поводу исчезновения Офера. И ни в одном из них – ничего стоящего. Пожелания полиции успеха. Два предложения помочь в поисках. И одно послание про связь между развращающими молодежь галлюциногенами, свободно продающимися в киосках, и халатностью полиции.

Инспектор и сам не знал, зачем приперся в участок. Он мог подождать дома, пока не поступит сколько-нибудь толковая информация, а потом послать патрульных, чтобы ее проверили. Но ему хотелось проявить активность. Чем больше времени пройдет с момента исчезнования Офера, тем меньше шансов его найти. У Авраама было ощущение, что надо что-то предпринять, исправить, что вот-вот произойдет нечто. Накануне он пообещал себе, что вникнет в эту историю, и теперь записал несколько вопросов, которые собирался задать Хане Шараби.

Потом инспектор стал звонить по телефонам, полученным от Давида. По трем первым трубку не брали. На четвертом номере ответила какая-то девочка.

– Добрый день, говорит инспектор израильской полиции Ави Авраам, – начал полицейский. – Вы оставили сообщение по поводу пропавшего подростка Офера Шараби.

– Минутку, – сказала девочка, – я позову маму.

Вскоре детский голосок сменился на густой мужской бас. Авраам повторил свой вопрос.

– Хорошо, что позвонили, – ответил его собеседник. – Мы с женой видели мальчишку вчера вечером.

Этот мужик уверял, что они с супругой видели Офера на заправочной станции на пути в Ашдод. Остановились заполнить бак и купить в станционном буфете по стакану кофе – и увидели мальчишку: он одиноко сидел и курил у столика снаружи буфета. Муж с женой просидели за соседним столиком почти десять минут. Мальчишка показался этому мужчине знакомым, но где его видел, он не помнил и поэтому все на него поглядывал, пока тот не встал и не ушел. Только потом, когда супруги уже сели в машину и поехали, он вспомнил, что после обеда видел фотографию этого парня в Интернете, на полицейской страничке пропавших. Авраам Авраам не стал спрашивать его, зачем он вообще открывал полицейскую страничку пропавших.

– У него не было черного заплечного ранца? – спросил инспектор.

– Черного ранца?

– Да. Может, вы случайно видели у него черный ранец?

– Про ранец не помню.

– А во что он был одет, помните?

– О, это нет. Смутно. Может, в белую футболку?… Жена вспомнит.

– А вы можете подскочить в участок, рассказать поподробнее? – спросил он.

– В Ашдод? – уточнил его собеседник. – Мы вообще-то живем в Модиине, ехали на свадьбу…

– Тогда в полицию Модиина?

– В пятницу? И там кто-то будет? А по телефону нельзя это провернуть?

– Я бы хотел, чтобы вы посмотрели на фотографии, но вы можете подойти и в воскресенье утром.

Все равно было ясно, что добавить этому мужику нечего. Но если он и вправду видел Офера и действительно смог бы его опознать, это было бы уже каким-то

признаком жизни.

* * *

Даже странно, как дом, в который он приехал перед обедом, ощущался уже как родной. Авраам припарковал машину там же, где и накануне, напротив входа, но на противоположной стороне. Это было старое многоквартирное строение 50-х или 60-х годов, малость подремонтированное, но такое же неказистое – корабль, обогнувший полсвета и оставленный ржаветь на солнце. На некоторых балконах развевались нейлоновые флаги – последние следы Дня независимости, отпразднованного неделю назад. Авраам провел там почти целый день. И хотя он не сильно вглядывался в детали, кое-что из особенностей интерьера ухватил.

Входная дверь была заперта. Инспектор позвонил в домофон, но ответа не получил. Внезапно ему подумалось, что с прошлой ночи никто из этой семьи не звонил ему. Неужели никого нет дома? Инспектор подождал с минуту и позвонил в домофон соседки с первого этажа. Вместе с ней они поднялись на третий этаж и постучали в дверь.

– Хана, здесь из полиции! – крикнула соседка, и мать Офера открыла дверь. Она сказала, что не слышала домофон, и Авраам Авраам вдруг и сам засомневался, нажимал ли он на кнопку.

В квартире, кроме Ханы, никого не было. Она была умыта и аккуратно одета, на столе никакой посуды и в гостиной никаких гостей. Соседка была разочарована, когда Авраам попросил ее оставить их одних. Этой минуты он ждал с прошлого раза и не знал, сколько времени у него в запасе, пока не появятся родственники хозяйки.

Они сидели у барной стойки, отделяющей кухню с обеденным уголком от гостиной. Хана переоделась, и волосы у нее были влажными. Авраам согласился выпить черного кофе с ложечкой сахара, и она поставила рядом с его чашкой тарелочку с рогаликами.

– Есть что-то новое? Что-нибудь слышали? – спросил инспектор и тут же раскаялся в этом. Это она должна спрашивать, есть ли новости; его же дело – ставить ее в известность, а вовсе не наоборот. Это он должен убеждать ее, что

делается все возможное. Что он взял расследование в свои руки.

Женщина молча покачала головой.

– А где все? – спросил ее гость.

– Я устала от шума. После обеда небось снова явятся.

Авраам старался, чтобы его голос звучал официально, но чувствовал себя так, будто они давно знакомы.

– Я пришел проинформировать вас о том, как продвигается расследование, и задать еще пару вопросов.

– Ладно.

– Со вчерашнего дня мы действуем параллельно в нескольких направлениях. Первое более пассивное. Нам стали поступать сведения от людей, видевших Офера или утверждающих, что они видели его, и мы пытаемся проверить эти сведения. Я утром побывал на участке и провел несколько проверок. – Инспектор заколебался, не зная, стоит ли рассказывать о телефонном разговоре из Ашдода, то есть из Модиина. – Очень часто случайная информация выводит нас на верный путь. Если, например, позвонят три человека, видевшие Офера в Эйлате, мы сможем с большой вероятностью предположить, что он там. Но пока что надежной информации у нас нет. Второе направление более активное. Мы расспрашиваем приятелей Офера, мы досконально проверим его компьютер и попытаемся отыскать какие-то знаки. Группа из нескольких следователей занималась этим вчера, и мы продолжим в уик-энд. Очень вероятно, что-то всплывет, потому как любое действие оставляет след. И уж конечно, такое действие, как побег. А кроме того, непрерывная работа координаторов, получающих уточнения по поводу ситуации, которые, конечно же, передают мне все сведения, какие получают…

– Так вы его не ищете? С полицейскими? – спросила Шараби.

– Все эти акции проводятся полицейскими, но если вы имеете в виду прочесывание территории, то нет. Мы пока не знаем, где искать.

Авраам хотел сказать сидящей перед ним женщине, что невозможно просто послать полицейских, чтобы те ходили по улицам и кричали: «Офер, Офер, возвращайся домой, тебя мама заждалась!», как ей этого хотелось бы, но он промолчал. Женщина ждала, чтобы он продолжил.

– Мне хотелось бы поговорить с братом и сестрой Офера. Где они сейчас? – спросил инспектор. – Я и вчера их не видел.

– У родителей мужа. В Рамат-Гане.

– Почему?

– Я не могу сейчас одна ими заниматься, у меня сил на это нет. Может, в воскресенье я их верну.

Внезапно хозяйка дома разрыдалась – наверное, при мысли о воскресенье и о том, что уик-энд пройдет без Офера. Это было тихое, придушенное, прерывистое завывание, как у собаки, которую оставили на улице и которая пытается войти в дом.

– А связь с супругом у вас есть? – спросил полицейский.

– Я сегодня с ним не говорила. Он связывается с Йоси, братом. Тот рассказывает, что да как. Муж в воскресенье возвращается.

Авраам Авраам подождал, пока Хана не успокоится.

– Знаю, что задавал вам этот вопрос много раз, но сейчас мы тут в тишине, одни, и может быть, у вас уже было время подумать… Вы уверены, что не случилось ничего такого, что привело Офера к побегу? Или что у него нет какого-нибудь приятеля, может, даже и не из школы, к которому вы можете нас направить и который, по вашему мнению, что-то знает?

Почему он спросил про побег Офера, будто то, что парень сбежал, было само собой разумеющимся?

– Я вам все рассказала. И у вас есть имена всех, кого он знает.

– Послушайте, госпожа Шараби, я постараюсь объяснить, почему возвращаюсь к этому. Трудно себе представить, чтобы подросток в таком возрасте сумел сбежать без чьей-либо помощи. У него нет кредитной карточки, и вы вчера сказали нам, что и наличных у него не было. И мобильного телефона. Без чьей-то помощи он далеко не убежит. Без кого-то, кто, может быть, дал ему денег, или кого-то, кто предоставил ему ночлег.

Верил ли полицейский в свои слова или же просто хотел нарисовать успокоительную картину, на которой Офер спит под крышей и вовсе не одинок?

– Может, вы знаете, не знаком ли он с кем-то из Ашдода? – спросил он.

– Из Ашдода? – Хана задумалась. – Он часто бывал там со своим отцом, в порту. Но родных у нас там нет. Почему из Ашдода?

– Я просто проверяю, – ответил инспектор и вдруг попросил: – Расскажите мне про Офера что-нибудь еще.

Женщина подняла на него глаза. С минуту она о чем-то думала. Может, решала, с чего начать.

– Я говорила вам вчера, – произнесла она, наконец. – Он хорошо учится, выбрал химико-биологическое направление. Тусить он не тусит, компании у него нет. Только в школу – домой, играет с сестрой и братом, много помогает по дому. Не больно-то разговорчивый, ни со мной, ни с отцом…

Авраам прервал ее:

– В Сети он много времени проводит?

– У компьютера он много торчит. Что там делает, я не знаю.

– А девочка у него есть?

Хана заколебалась, перед тем как ответить:

– Нет, не думаю, чтобы он гулял с девушками.

– Что он собирается делать в армии?

– Мы про это не говорили. Хотя призыв ему подошел. Что уж он может делать в армии? Он парень, у которого нет дружков.

– Думаете, он армии боится? Он об этом говорил?

– Не знаю. Может, и боится.

«Не может такого быть, чтобы она ничего не знала о сыне, – подумал Авраам. – И не может быть, чтобы парень, заканчивающий одиннадцатый класс, не сделал ничего, о чем можно было бы рассказать, – не отмочил никакого номера и ни с кем не поделился этим». И тем не менее именно так о нем отзывались все знакомые в течение последних суток.

– Могу я снова зайти в его комнату? – спросил инспектор.

Хозяйка встала, и он направился за ней в комнату, где уже несколько раз побывал накануне. Хана остановилась на пороге. Это была не типичная подростковая комната, какие представлены в рекламах, – случайные предметы мебели без всякой связи между собой. Жалюзи были опущены, и в комнате царил полумрак. Ночью здесь никто не спал. Авраам Авраам включил свет. Справа от двери, у стены, высился большой шкаф, облицованный пластиком мышиного цвета. К верхней его части была прикреплена пластмассовая баскетбольная корзина, а под коричневой подростковой кроватью инспектор увидел оранжевый пенопластовый мячик, какие в эту корзину бросают. Над кроватью висели два постера: один – сцена из фильма про Гарри Поттера, второй – портрет молодого мужчины, которого инспектор не узнал. Постеры показались ему старыми, повешенными года два-три назад. Слева от кровати стоял письменный стол, облицованный черным пластиком. Четыре не загруженные книгами полки; на них – учебники, тетради, словари, несколько дисков с компьютерными играми, будильник и всего несколько книжек для чтения. И настольная лампа. Всё в удивительном порядке, не присущем подростку. Рядом с лампой стоял монитор компьютера – черный, плоский – и возле него мышка, ни к чему не подключенная, потому что компьютер забрали на проверку. Вещи младшего брата, пятилетки, больше на виду, но и их, как

показалось Аврааму, было мало. В правом углу комнаты, возле детской кроватки, стояла низкая этажерка, на полках которой – пластмассовые машинки, книжки и плюшевые зверюшки. Еще несколько игрушек было разбросано по полу, возле кроватки и под ней. Эти были поярче…

Авраам Авраам присел на кровать Офера. Хозяйка осталась стоять в дверях, но когда он, попросив разрешения, начал открывать ящики, вошла внутрь и села на некотором расстоянии от него. От нее приятно пахло чистотой и шампунем.

В первом ящике шкафчика под письменным столом лежал старый аудиоплеер, вроде как испорченный, батарейки, линейки, циркуль, зарядное устройство для мобильника, пустой кожаный кошелек и ключи. Во втором ящике – удостоверения и документы, карточка больничной кассы, повестка, которую Офер получил из призывного пункта, и расписание уроков.

В третьем, самом большом, были тетради и контрольные работы – видимо, с прошлых лет.

Авраам взял из второго ящика расписание уроков, а из первого – связку ключей и задвинул все ящики. Если б Офер пошел в среду в школу, он бы с восьми до десяти был на алгебре, а потом учил бы английский, социологию и литературу. Кроме того, у него был в тот день час спорта.

– Паспорта Офера здесь нет. Он обычно носит его с собой? – спросил инспектор.

– Не знаю. Но паспорт у него есть, – ответила Хана.

– А что с загранпаспортом?

– Просроченный. Думаю, он у мужа.

Связка ключей лежала на ладони Авраама, и он как будто взвешивал ее.

– Это ключи от дома? Он и их с собой не взял?

– Это вроде старые ключи, – сказала женщина. – Мы поменяли замок. Я могу проверить.

Инспектор встал, и она тоже поднялась вслед за ним.

– Офер – мальчик очень аккуратный, – сказал Авраам.

Шараби оглядела комнату, и ему показалось, что ее глаза выразили удивление.

– Я даже и не знала, что он такой аккуратный, – сказала она. – Никогда не открывала его ящики.

* * *

После обеда Авраам попрощался с Ханой, не узнав об Офере ничего, чего он не знал утром. Инспектор влез в машину и поехал в сторону собственного дома, но на этот раз остановился напротив торгового центра, припарковал машину, перешел дорогу и сел в кафе «Джо», за столик на улице. В кафе было почти пусто. Авраам взял кипу пятничных газет и заказал эспрессо лунго и морковный пирог. Такое вот празднование дня рождения. Честно говоря, что делать дальше, он не знал. У него не имелось ни единой зацепки, и был единственный лучик света – звонок из Ашдода, хотя именинник и сам не знал, почему серьезно относится к этой информации. Хану он оставил одну в квартире. Илана не звонила с самого утра. Была пятница как пятница, когда чем дальше утекают минуты, тем заметнее исчезают люди, уходят в свои дома и свои дела.

Статейки в местных газетах были дурацкими. Они касались все больше людей помоложе. Только в «ХаАрец» была серьезная статья о борьбе за пост главы полиции, где с большой точностью описывались трения в руководстве полиции и намекалось на сексуальный скандал с одним из кандидатов, которого Авраам Авраам в жизни не встречал, но о репутации которого был прекрасно осведомлен.

Он выкурил, одну за другой, две сигареты и ровно в шесть отправился к родителям. Те, как всегда, ссорились. Мама открыла дверь и поцеловала его в щеку.

– Ладно, хватит уже! – крикнула она отцу. – Ави пришел, можно садиться к столу.

– Нет, я хочу, чтобы ты проверила в Интернете! – Отец скинул с себя клетчатый шерстяной плед, которым был накрыт, поднялся с кресла в гостиной и подошел пожать сыну руку. На нем были темные тренировочные штаны и старая армейская фуфайка.

– Что ты должна проверить? – спросил Авраам у матери, и отец ответил за нее:

– Есть ли уже комары. Она уверяет, что в Израиле до июля комаров нет, а меня они ночью всего искусали.

– Никакие это не комары, – возразила хозяйка дома. – Он закрывает мне на ночь все окна. Включает кондиционер на девять-десять градусов и сидит под пледом. А я дрожу от холода. Почему я должна чувствовать себя как в больнице? Ты знаешь, какой воздух на улице? Зачем нам три направления воздуха? Ави, какой на улице воздух?

Что он мог ей сообщить про воздух?

– Можно подумать, что мы в Швейцарии, – возразил отец. – На улице жара, вот и комары.

– Ладно, комары так комары, но, пожалуйста, переоденься, мы празднуем день рождения Ави, – велела его жена. – Ты не можешь сесть за стол в таком виде.

– Почему же? А ты что, празднично вырядилась? Что тебя в моей одежде не устраивает? Ави, ты не возражаешь, если я вот так сяду за стол? Он ведь не гость, чтобы ради него расфуфыриваться.

Так как их было всего трое, хозяйка не стала накрывать большой стол в гостиной, а выставила все на кухонном столике. Однако она накрыла его белой скатерью, поставила гостевые тарелки и положила приборы на красные бумажные салфетки. А для украшения поставила на середину стола бутылку вина, которую они не откроют.

И она все еще кипела от возмущения.

– Знаешь, что? Одевай все, что захочешь. Не переодевайся, сиди за столом в провонявшей потом одежде, в которой спишь! Нет у меня сил каждый день с тобой бороться!

Отец ушел в свою комнату переодеваться.

В юности это была комната Авраама Авраама. Потом, спустя несколько лет после того, как он покинул дом и стало ясно, что он туда не вернется, это превратилось в нечто типа склада. А в нынешние годы, когда отец вышел из больницы после инсульта, они с матерью превратили этот склад в комнату. Установили там кондиционер и спали теперь врозь, и не только из-за разногласий по поводу тепла-холода.

Авраам Авраам сел на свое место и выложил на стол пачку сигарет и мобильник.

– Все куришь? – спросила мать. – Неудивительно, что плохо себя чувствуешь.

– Я чувствую себя нормально.

– Ты цветы получил?

– Да, спасибо. Их принесли рано утром.

– Так почему же ты ничего не сказал? Я ведь звонила им в обед, скандалила, что курьер все еще их не принес. Они, может, послали тебе еще букет… Ну вот, выиграл два букета. Первый, конечно же, завял, потому что в воду ты его наверняка не поставил.

Отец вернулся в коричневом джемпере, надетом на белую фуфайку. Брюки на нем были те же. И потекла обычная беседа. Мать расспрашивала сына про жизнь, а тот увиливал от ответов.

– Слышали про кутерьму в полиции? – спросил он.

– Ужас какой-то! – закивала мать. – Я бы постеснялась работать в таком месте. Скажи, кроме тебя, там все водят шашни с полицейскими кралями? Ясно, почему в стране нет безопасности.

Она вытащила из холодильника уже открытую бутылку белого вина, и все трое подняли рюмки. Родители снова поздравили именинника теми же словами: «Только здоровья и успехов». Отец постепенно погружался в себя. Так оно шло со времен инсульта, несмотря на улучшение, которое привело врачей в изумление. В какой-то момент он становился рассеянным, начинал говорить невпопад и под конец, будто чувствуя свой регресс, почти полностью уходил в себя и сосредотачивался на тарелке, на медленном пережевывании пищи. Мать с сыном ждали, пока он доест свой суп. Единственным, что могло его оживить, был разговор про Иран и про реальную вероятность того, что он в скором будущем разбомбит Тель-Авивский округ.

Авраам Авраам все больше скисал. Мать поставила на стол второе, приготовленное специально в честь дня его рождения, – жареную печенку с луком, пюре и острый помидорный салат. Инспектор перестал слушать ее вопросы и просто сидел и быстро пережевывал еду. У него было две теории по поводу роли родителей в выборе его профессии: одна, связанная с матерью, другая – с отцом. Согласно первой, Авраам решил стать инспектором полиции, когда в детстве, возвращаясь из школы, пытался опознать приметы настроения матери. У него выработалась острая чувствительность к этим приметам – к ее гримасам, к изменениям тона ее голоса. Еще на лестнице он старался угадать, что она сварила, и тем самым понять, закончится ли обед колотушками. Когда она готовила любимое им блюдо, обед проходил мирно. Если же по причинам, ему неведомым, мать стряпала нечто, не лезшее ему в глотку, – значит, хорошего не жди. Например, запах голубцов или фаршированных перцев уже на лестнице предвещал оплеухи.

По второй теории, он стал следователем во время прогулок с отцом, главным образом по субботам. У них была игра, которую придумал отец. Он говорил:

– Кажется, я вижу женщину в синем плаще.

И трехлетний или четырехлетний Авраам Авраам, сидящий в своей прогулочной коляске, взволнованно оглядывал улицу, пока не обнаруживал такую женщину и не указывал на нее пальчиком. Когда он подрос, игра усложнилась. Отец говорил:

– По-моему, я вижу мужчину, который опаздывает на встречу.

И его сын прочесывал взглядом улицу, пока не замечал небритого мужчину, перебегающего дорогу на красный свет, и не указывал на него. Отец, держащий его за руку, говорил: «Точно!» – и Авраам был попросту счастлив.

Прервав молчание, он спросил отца:

– Как самочувствие?

Но тот не услышал вопроса.

– Шломо, – сказала мать, – Ави спрашивает, как ты себя чувствуешь. Что с тобой, ты еще и оглох?

Когда они поели и мать сложила посуду в посудомойку, зазвонил мобильник.

– Инспектор Авраам?

– Слушаю. – Он вышел из кухни.

– Это Литаль Леви, из участка. – Инспектор узнал молодую сотрудницу, новенькую, всего пару месяцев назад окончившую курс подготовки полицейских. – Вы – ответственный за дело подростка, которое завели вчера? Так ведь?

– Офера Шараби. Верно.

– Сейчас поступил анонимный звонок, который, возможно, стоит проверить.

– Поподробнее, пожалуйста. Звонок поступил вам?

Авраам надеялся, что девушка не почувствовала страха в его голосе.

– Он был короткий, и я не очень-то разобрала, но тот человек вроде сказал, что нужно искать его в дюнах, позади строительного проекта Пэ-триста. Он сказал, что тело там.

4

В конце концов, он-то и оказался последним среди тех, кто искал. И каким-то неуместным среди участников, которых, если б не он, там и не было.

Зеев проснулся первым. Эли спал. Михаль спала. Он выглянул наружу и посмотрел сквозь жалюзи балкона. Шел уже третий день. Снаружи все тихо, никакого движения. Ни в доме, ни на улице. Двое стариков шли по тротуару, и в руках у них были синие бархатные чехлы с талитами?.[6 - Талит (таллит, талес) – молитвенное облачение в иудаизме, представляющее собой особым образом изготовленное прямоугольное покрывало.] Где тут в районе синагога, Зеев не знал.

Суббота была ее днем. Вернее, его днем. Днем, когда она может поспать подольше. Не подниматься вместе с Эли. Каждая секунда, когда малыш еще спит, была глотком свободы, секундой сладости. Волнение было огромным. Он еше не переварил произошедшего в последние дни – за час до того, как Зеев это сделал, он еще не представлял себе, на что способен. Странные, противоречащие друг другу чувства бурлили в нем с непривычной силой. Он был настолько переполнен стыдом и гордостью, что, казалось, вот-вот взорвется.

Когда вода закипела и чайник задрожал и закачался, проснулся Эли. Как всегда. Услышав из кухни его рев, Зеев приготовил бутылочку теплого молока, а себе – стакан чая с долькой лимона и коричневым сахаром. Он поднял Эли, и малыш, все еще не очухавшийся ото сна, удивленно взглянул на отца и на свою комнату. Они поздоровались с пятнистым плюшевым щенком, с деревянной лошадкой и с рыбкой, которая плавала от одного края маленького аквариума к другому. А потом мужчина перенес теплое тельце сына в гостиную, уселся в кресло-качалку и стал поить его молоком. Чай остыл.

Вскоре после этого отец посадил сына в коляску и вывез его гулять.

В городе было тихо и пусто.

Зеев пошел своим обычным путем, по улице Гистадрут, направо – на улицу Шенкар и до улицы Соколов, удерживаясь, чтобы не двинуться к дюнам. На

случай, если Эли задремлет в коляске, он прихватил с собой роман Макьюэна «На берегу», но тот не задремал. Да Зеев и не смог бы читать. Когда они жили в Тель-Авиве, до рождения Эли, он по субботам выходил утром в кафе. Обычно на Дизингоф, с книгой или с ручкой и тетрадкой. Это были священные часы. Почти единственные часы, когда он не был учителем гимназии, когда мог быть кем-то еще, кем на самом деле хотел быть. И вот с четверга он снова стал кем-то еще – и снова оказался на пороге творчества после почти годичного прозябания.

Когда они вернулись, Михаль уже встала. Она была в халате – сидела в кухне и пила кофе с тостом, намазанным маслом и сливовым повидлом.

– Как все прошло? – спросила жена и тут же вспомнила. – Приходил сосед. Они сколачивают группу, чтобы помочь в поисках.

Как Зеев удержался, чтобы не рассказать ей? Именно это его поразило, и об этом он жалел больше всего. В последние недели он утаивал от нее два секрета. Про писательский семинар и Михаэля Розена он сперва и не думал молчать. Просто не рассказал, когда отправился туда в первый раз. И с тех пор этот секрет набрал силу, и открыть его было уже невозможно. А про то, что случилось в последние дни, он говорить, конечно же, не мог изначально. Пока сам не врубится. Зеев чувствовал, что скрывает от жены нечто самое главное, что в нем есть. Прошлым вечером он сказал ей, что идет туда-то и туда-то, хотя знал, что направляется совсем в другое место. А когда вернулся и в нем бурлила кровь, она спала. Он разделся и лег, а жена повернулась к нему во сне и поцеловала его с закрытыми глазами.

– Когда он приходил? – спросил Зеев.

– Четверть часа назад, – отозвалась Михаль. – Я толком и не проснулась. Еще видела какой-то странный сон. Будто мы на шикарном корабле, который плывет в Стамбул, и вдруг я тебя не вижу, и мы с Эли ищем тебя на палубе и начинаем рыскать по каютам, и в одной из кают я вдруг вижу маму… Уже и не знаю, нашли мы тебя или нет. – Женщина обняла мужа и прижалась лицом к его шее. – Это, конечно, из-за того, что случилось, – добавила она. Ей нравилось рассказывать ему свои сны.

Зеев кивнул.

– А где будут поиски? – поинтересовался он, хотя и не должен был спрашивать. Это он знал и сам.

* * *

Зона, где велись поиски, была не очень крупной, не больше нескольких квадратных километров, и полиция разделила ее на два участка.

Один участок, северный, простирался между улицей Голды Меир с севера и улицей Менахема Бегина с юга. Он включал в себя дворы жилых домов, а также стоянки и строящиеся здания. Вторым участком была широкая песчаная полоса, идущая на юг от Менахема Бегина, где были только дюны да дюны. Невысокие холмы из сыпучих песков и сухой кустарник, до самого Ришон-Ле-Циона.

Зеев пришел пешком. Он все мешкал, пока не решил, что пойдет один, без Михали и Эли, а потом малость завозился в квартире. Переодевался, менял обувь, искал ключи от мотороллера, а потом, когда собрался идти пешком, колебался, взять ли бумажник или просто немного наличных. Попросит ли его кто-нибудь предъявить паспорт?

Район, в который он пришел, был ему незнаком. Зеев протопал несколько десятков метров, пока не заметил что-то похожее на розыски. Возле коричневого автофургона, служащего конторой продажи дорогого жилья, стояла патрульная машина, а за ней, вдали, Зеев увидел знакомые лица. Физиономии с той улицы, на которой он жил. Среди них был тот сосед, что заходил к ним утром и известил Михаль о поисках. Сердце Зеева забилось от волнения. Он решил, что вытаскивать из рюкзака черную тетрадь не стоит. Лучше все запомнить и записать, когда он вернется домой. Не такими он представлял себе ночью поиски Офера. Небось автофургон превратили в штаб? Ментов в форме он нигде не видел, и Авраама там тоже не было.

Наверное, это пришло Зееву в голову из-за вчерашней случайной встречи с инспектором Авраамом на лестнице. Тогда на полицейском формы не было. Может, его и сейчас стоит поискать среди тех, кто в гражданском? Тот факт, что Зееву было известно имя мента, который, типа, руководит этим расследованием, вызвал у него недоумение, хотя и объяснялся естественно и просто. Авраам пришел к ним в квартиру в четверг вечером. Он сидел в кухне, на его стуле, напротив его жены и сына. А назавтра они столкнулись на лестнице.

* * *

Сосед стоял и беседовал с несколькими людьми. Все они были знакомы между собой. Зеев заколебался, не зная, стоит ли представиться кому-то из них. Регистрирует ли полиция тех, кто участвует в поисках, делит ли их на группы, распределяет ли задания – или можно просто так присоединиться к розыскам, покрутиться по территории, поискать? Он подошел к соседу, и они пожали друг другу руки.

– И долго вы уже здесь? – спросил Зеев.

– Да часик-полтора.

Они ни разу не перекинулись больше чем парой слов. Сосед, владелец магазина строительных материалов, был немного старше Зеева. Он ездил на белой «Тойоте Королле», и у него было двое детей. Вскоре после переезда Зеева с Михалью в Холон этот сосед постучался к ним в дверь и спросил, не их ли это мотороллер на домовой стоянке и не возражает ли Зеев переставить его в другое место, потому что он заслоняет дорогу к мусорным бакам. С тех пор Зеев ставил свой мотороллер на тротуар, напротив дома. Сейчас между ними была отчужденность и неловкость, но в то же время и что-то вроде родственности. Зеев все еще ощущал сухое прикосновение его ладони.

– А где ищут? – спросил он, и сосед ответил:

– Нам сказали искать здесь, поблизости. А копы прочесывают дюны, сзади.

Видимо, там и был Авраам, который накануне вечером даже не остановился на лестнице, чтобы поздороваться или извиниться за то, что в четверг вечером он не вернулся, как обещал, закончить беседу. Когда Зеев понял, что инспектор не узнал его, он продолжил подниматься по лестнице, сделав вид, что быстро прошедший мимо него человек ему тоже не знаком.

– А что искать-то, мы знаем? – продолжил он расспросы.

– Ничего не сказали. Конечно, подозрительные вещи. Одежду. Ранец.

Зеев не смог унять внутреннюю дрожь, но внешне ничего не выказал.

– А вот странно, почему именно здесь. Вы не знаете, может, появилась какая-то информация по поводу места, где вести поиски?

– Понятия не имею. Это по просьбе семьи.

Неподалеку собралась кучка подростков – видимо, одноклассников Офера. Один из них заглядывал под колеса припаркованных машин. Зеев подумал, что, возможно, среди пришедших на поиски есть и школьные учителя пропавшего мальчика.

– Чем я могу помочь? Может, присоединиться к вам? – спросил он соседа и тот ответил:

– Мы дожидаемся, пока они откроют проход. Они позвонили подрядчику, чтобы приехал открыть здешние строительные площадки.

Зеев держался поближе к соседу, пока не почувствовал в себе достаточно сил, чтобы выбрать собственный маршрут. По логике, добровольцами должен был руководить кто-то из семьи, но никакой родни Офера Зеев не приметил. Не видел он и матери подростка. Неужели ей не захотели не сообщать о решении, принятом в полиции, и о месте поисков? Женщин там вообще почти не было, и он порадовался, что Михаль не захотела встревать в это дело.

После того как пришел начальник работ, они, шесть или семь мужчин, проникли внутрь огромного бетонного остова и взобрались по скошенным бетонным плитам, к которым гвоздями были прибиты деревянные балки. Все пропахло плесенью, вокруг были мокрый песок и камни. Они прошли мимо железных прутьев и ломаных кирпичей. Кто-то сзади сказал:

– Атас, ребята, у нас нет страховки!

Ботинки и манжеты брюк у всех покрылись пылью.

Из уже построенных девяти этажей Зееву достался шестой. Его сосед зашел на пятый этаж, а сам он в одиночку поднялся выше. На следующий этаж. И

остановился у входа в огромный лабиринт стен.

Когда строительство закончится, на каждом этаже будет по три квартиры, но на данном этапе все они представляли собой дыры, образующие общее пространство без дверей. В голых кирпичных стенах зияли высокие и широкие проемы, и сквозь них просматривались еще комнаты, а в них – очередные стены с проемами и новые комнаты. Зеев вспомнил, как взбирался по лестнице своего дома в четверг, когда все началось. Вспомнил открытые двери. Снова и снова он видел себя в той же комнате.

Можно было ошибочно решить, что он весь ушел в поиски, но на самом деле Зеев был единственным мужчиной на стройке, который знал, что в этих пустых комнатах они ничего не найдут. Несколько пар старых рабочих ботинок стояли рядком под длинным и широким окном в огромной комнате. С железной проволоки, тянущейся, как плющ, между кирпичами, свисал нейлоновый пакет из супермаркета, а в нем лежали пустые консервные банки. Это, видимо, была гостиная. На покрытом песком полу покоились полбуханки высохшего хлеба и почти полная бутылка «Кока-колы». Судя по вони и тряпью, другая комната служила для рабочих сортиром.

Зеев прекратил поиски, и к нему вернулась уверенность в себе. Он подошел к северному окну, встал возле него и взглянул на город, на редкие машины, бегущие по шоссе, и на кучку добровольцев внизу, под ним. Увидел крышу дома, в котором жил, и полицейский участок неподалеку от него, а потом нашел южное окно и взглянул на дюны. С шестого этажа просматривались голубые фигурки копов. Некоторые из них тянули на поводках малюсеньких собак.

* * *

Женщина в модных черных брюках, светлой шелковой блузке и стильных туфельках, совсем не подходящих для работы в дюнах, стояла спиной к дороге и разговаривала с Авраамом. Зеев держался поодаль, делая вид, что занят поисками. Эта женщина, лет под сорок, была на голову выше инспектора. Может, старшая по чину, подскочила на минутку, по дороге на семейный обед – поглядеть, как идут дела. Если б она была волонтеркой или родственницей, присоединившейся к поискам, то, конечно, была бы одета иначе, и обувь у нее тоже была бы другая.

Зеев помнил почти наверняка, что, когда позвонил в полицию, не произнес имени инспектора Ави Авраама. Сначала он собирался позвать его, а потом передумал. Хотя, в общем-то, это и было целью его звонка. В вихре мыслей, которые вчера нахлынули на него, промелькнула и такая: «Полное-то имя у него небось Авраам Авраам», – и эта идея вдруг открыла перед Зеевом всю суть этого мента, будто он подглядел в замочную скважину спальни инспектора. И хотя он хорошо подготовился и несколько раз прокрутил в голове короткие фразы, которые собирался произнести, когда услышал молодой женский голос, его вдруг охватила паника. Зеев чуть не бросил трубку и, внезапно передумав, произнес совершенно не те слова, которые собирался сказать. И отключился, испуганный и потрясенный тем, что выговорил.

Беседа инспектора Авраама с женщиной в шелковой блузке затянулась. Нигде не было огораживающих лент или каких-то других знаков, указывающих на запрет заходить на этот участок. Перед этим, пока Зеев шел к дюнам, он увидел, что новым, идущим на юг улицам присвоили имена умерших поэтов и композиторов. Небось чтобы придать им романтики. Он шел по улице Эгуда Манора, а справа увидел переулок Узи Хитмана, маленькую улочку, упирающуюся в тупик. Пока пересекал дорогу и входил на территорию стройки, из окна одного из домов со стороны шоссе на него все пялилась какая-то пожилая женщина. Наверняка приняла его по ошибке за полицейского в штатском.

Зеев снова поразился отсутствию порядка и подумал, что это весьма немаловажная деталь. Он без всяких помех вошел на участок, где велись полицейские поиски. Никто не обратил на него внимания. Кроме Авраама, там было не больше пяти или шести ментов в форме, и среди них крутились люди в штатском – часть, может, менты, а часть – волонтеры вроде Зеева. Двое сотрудников полиции возили по песку какую-то черную штуковину, похожую по виду на пылесос или металлоискатель. Все выглядело ужасно по-любительски и безалаберно. Зеев вспомнил французский фильм, который видел в «Синематеке» пару лет назад. Там сотни полицейских ловили в лесу сбежавшего преступника. Взявшись за руки, они вытянулись в длинную цепочку и двигались единым фронтом – так, чтобы не миновать ни одну полоску леса.

Та нарядная женщина, что беседовала с Авраамом, влезла в припаркованную у тротуара машину. Может, теперь Зееву перепал шанс?

Он тронул Авраама сзади за плечо.

– Прошу прощения, инспектор Авраам, можно вас на минуточку?

Зеев тяжело дышал, словно пробежал длинную дистанцию.

Авраам оглянулся. Его поразило это легкое прикосновение к плечу и лицо, которое он, обернувшись, увидел.

– Вы меня помните? – спросил Зеев и, прежде чем полицейский успел ему ответить, добавил: – Я сосед из дома Офера. Вы говорили в четверг с моей женой и сказали, что еще вернетесь к нам. Это второй этаж. Я даю Оферу частные уроки английского.

– Да-да, я знаю, – кивнул Авраам. – Я не смог вернуться, потому что после обеда было по горло дел. Может быть, на неделе мы пригласим вас для продолжения разговора, или кто-нибудь с вами договорится и подскочит к вам домой.

Зеев не понял, узнал инспектор его или нет. Как и в четверг, Авраам выглядел напряженным, взвинченным, а сейчас еще и очень усталым.

– Я покамест присоединился к поискам; вот, кручусь здесь с самого утра, – сказал Зеев. – Раньше мы искали на стройке… наверное, по вашему указанию. Ведь это вы ответственный за расследование?

Авраам оставил этот вопрос без внимания. То ли ответственным был не он, то ли ему не дозволено было выдавать информацию.

– Что-нибудь обнаружили? – спросил инспектор.

– Да нет, – Зеев покачал головой. – Но я не уверен, что мы точно знали, что ищем.

– Любое, что может быть как-то связано с Офером.

– Это-то понятно, но откуда нам знать заранее, что с Офером связано, а что нет?

У Зеева было такое чувство, что Авраам не знает, что отвечать или как вести себя с человеком, тронувшим его за плечо. Он двинулся прочь, и Зеев пошел за

ним. Они шли бок о бок по песку, как знакомые или как начальник с заместителем. Плечом к плечу. Точно как мечтал Зеев, когда ему пришла в голову мысль позвонить. Но Авраам не собирался задавать ему вопросы, и Зееву стало ясно: если он не осмелится заговорить, беседа увянет сама собой. В любую секунду мог встрять кто-то из ментов или волонтеров и прервать ее. А потом разговор уже не пойдет с той же естественностью.

– У вас есть какой-то прорыв в следствии? – спросил Зеев, и его спутник снова как будто бы удивился, словно не заметил, что сосед пропавшего мальчика все еще рядом.

– Да нет, пока что нет, – сказал он.

– Тогда почему же розыск проводится именно здесь? То есть что мы на самом деле ищем?

– Ничего специфического.

В тоне голоса инспектора и в том, как он продолжал идти, прорвалось какое-то нетерпение, даже грубость. Но Зеев не замолчал:

– Мне просто интересно, в связи с чем руководитель расследования принимает решение провести поиски. Ведь обычно поиски в определенном месте ведутся на основании каких-то конкретных сведений. Или я ошибаюсь?

Авраам снова остановился.

– Пока ничего конкретного нет, – сказал он. – Поступила информация, что видели, как Офер здесь крутился.

Как и в четверг, инспектор удивил Зеева. Что значит крутился? Неужели та сотрудница полиции не услышала по телефону, что он сказал? Или Авраам просто ему лжет? Именно это Зеев и собирался сказать по телефону. Что Офер жив. Что он знает, что Офер жив, и знает, где его искать. Но в конце, сам того не желая, он сболтнул, что полиция должна искать тело. И повесил трубку. Может, он говорил слишком быстро, так что дежурная не поняла его слов?

* * *

Все, что случилось прошлым вечером, случилось не так, как он планировал.

Сперва Зеев хотел воспользоваться телефоном-автоматом, стоявшим на улице Шпринцак, между «Синематекой» и школой, в которой он преподавал, – но пришел к выводу, что это неумно. Поэтому он все-таки поехал в Тель-Авив, где спрашивал в четырех киосках телефонную карточку и только в пятом сумел купить ее. Зеев подумал, что сможет отыскать телефон-автомат в Южном Тель-Авиве, возле старой центральной автобусной станции, в районе, где проживают африканские беженцы и гастарбайтеры. Но темень на пустынных улицах отпугнула его, и он двинулся к северу. Поставив свой мотороллер на улице Алленби, снял шлем и положил его на сиденье. Телефон, который Зеев там увидел, был испорчен. Тогда он вернулся в центр города и нашел исправный аппарат возле кинотеатра «Гат». Перекресток был слишком шумным, и было бы лучше отыскать телефон-автомат там, где потише, но времени на это уже не было: надо было звонить сейчас – или никогда. За минуту до того, как поднять трубку, учитель услышал, что кто-то зовет его по имени.

Он испугался.

Орна Абири, молодая математичка из школы, подскочила к нему и расцеловала его в обе щеки. В школе она в жизни такого не проделывала! Орна представила Зеева двум своим подругам и спросила, что он тут делает. Он смутился, не зная, что ответить, и пробормотал, что вышел из кино. Про фильм его коллега расспрашивать не стала. Вместо этого она пригласила его пойти с ними в бар, но Зеев ответил, что идет к приятелям, и отказался.

Перед тем как расстаться, Абири спросила:

– Дать тебе телефон?

– Что? – не понял он, решив, что она зачем-то хочет дать ему номер своего сотового.

– Мне показалось, что ты собираешься позвонить по телефону-автомату. Если тебе нужно поговорить, у меня есть мобильник.

Зеев рассмеялся:

– Да нет, я уже поговорил. Я забыл адрес, а записку оставил дома.

Только около десяти вечера он сумел позвонить из телефона-автомата в Ришон-Ле-Ционе.

Ему не удалось скрыть изумления в голосе, когда он спросил Авраама:

– А что, кто-то видел, как Офер здесь ошивается? То есть у вас есть сведения, что он жив?

– А почему бы ему и не быть живым? – ответил инспектор, и учитель окончательно запутался.

– Да нет, я хотел сказать: вы знаете, где он находится? – спросил он.

– Наверняка мы не знаем ничего. Пытаемся проверить любую информацию, какую получаем.

– Почему же вы верите такой информации? – продолжал спрашивать Зеев. – Неужели вы проводите розыск на основании каждого телефонного звонка?

Авраам недоуменно уставился на него.

– Мы пытаемся проверять всё, – сказал он.

К ним подошла молодая сотрудница полиции. В руках она держала тряпки, бывшие некогда коричневыми вельветовыми брюками.

– Ладно, прошу прощения, – нетерпеливо сказал Авраам, – у меня дела. Спасибо, что присоединились к поискам, и обещаю, что на неделе вам назначат еще одну встречу. Напомните свое имя, пожалуйста.

– Зеев Авни, – успел ответить учитель. – Хорошо, что спрашиваете, – та ваша коллега, которая допрашивала меня в четверг, этого не спросила. Буду рад

поговорить с вами об Офере. Не знаю, что вы успели выяснить до сих пор, но я мог бы многое вам рассказать. Мы, правда, переехали сюда всего год с небольшим назад, а перед этим жили в Тель-Авиве. Я и сейчас работаю в Тель-Авиве. Но думаю, я успел хорошо узнать Офера в те месяцы, что давал ему частные уроки.

Инспектор Авраам что-то показал рукой, и женщина-полицейский вложила коричневые вельветовые брюки в большой черный пластиковый мешок. Зеев услышал, как она говорит:

– Почему бы и нет? Хоть дюны почистим, поможем Управлению охраны природы.

После этого Зеев уже не вернулся к группе, участвующей в поисках. Оттого, что выяснилось столько подробностей, к нему пришло некоторое удовлетворение, смешивающееся с разочарованием из-за краткости беседы с Авраамом. В своих фантазиях он представлял себе этот разговор гораздо более развернутым. Воображал, как они обмениваются информацией и даже идеями. Его потянуло домой, и он пожалел, что не приехал на мотороллере.

Но на обратном пути Зеев почувствовал, как к нему подступает, завладевая им, отчаяние. Сначала он не понял, в чем дело. В том ли, что он вдруг осознал тяжесть своего поступка, или из-за нетерпения, проявленного Авраамом, из-за того, что тот его не узнал, когда он представился? Хотелось думать, что позвонил он не зря. Ему все-таки казалось, что инспектор на минуту прислушался к нему и что его и вправду собираются еще раз пригласить для разговора об Офере.

Внезапно эта мысль застряла у него в голове.

Он почувствовал, как у него задрожали ноги. Они будто вросли в тротуар, хотя на самом деле, сам того не замечая, Зеев все ускорял свой шаг.

В разговоре с инспектором Авраамом он как бы вскользь спросил, не могла ли информация, из-за которой поиск велся именно здесь, быть передана по телефону. А ведь сам инспектор про это не говорил. Может, удастся наврать, что он услышал это от кого-то из ментов или родственников?

Зеев не помнил, как вернулся домой. Он надеялся найти там Михаль, но, открыв дверь, увидел, что квартира пуста. Мужчина лег в спальне на кровать и приказал себе закрыть глаза, как приказывают детям.

Нет сомнения, что менты вот-вот постучатся в его дверь.

5

Нажатие на ручку двери кабинета Иланы Лим было для Авраама Авраама одним из любимых моментов в его работе. Только что он пребывал в здании Центрального Тель-Авивского отделения полиции – и вот дверь за ним закрылась, и он уже в совершенно ином мире. Иногда, зная, что он к ней направляется, Илана встречала его на пороге.

И не то чтобы этот кабинет на втором этаже нового здания на улице Саломе сильно отличался от других помещений полиции. Посредине стоял большой темный деревянный стол, на нем – монитор «Делл». На стене рядом с портретами президента страны и главы правительства – благодарственные грамоты и удостоверения в рамках. На большой фотографии дивной красоты – ванкуверский висячий мост Лайонс-Гейт на закате. Лим работала там несколько лет по заданию полиции, уезжала туда вместе с семьей и потом говорила, что какая-то ее частица «осталась в этом морозном городе и в Израиль не вернулась». На двух фотографиях поменьше – сама Илана, на одной – с Ароном Бараком, бывшим председателем Верховного суда Израиля, а на второй, многолетней давности, – с певицей Ярденой Арази. На этих снимках она была молодой, с длинными каштановыми волосами, без светлых мелированных прядок, которые Авраам помнил с момента их знакомства. На столе стояла самая драгоценная фотография в черной рамке – семейная карточка на фоне базилики Сакре-Кёр в Париже, сделанная во время поездки перед мобилизацией старшего сына Иланы Амира. Он был в центре фото, возвышался над двумя младшими братьями и сестренкой, – дылда, как и его отец с матерью, обнимающие его с обеих сторон, этакий весь развеселый. Несколько месяцев спустя Амир погиб во время военных учений.

– Входи, – сказала Илана, и Авраам Авраам разочаровался, увидев, что Шрапштейн успел его опередить. У них шел какой-то разговор, и полковник

хохотала до слез. – Входи, Ави, – повторила она. – Эяль докладывает о результатах вчерашних поисков.

– То есть об отсутствии оных, – сказал Шрапштейн.

Лим – видимо, в продолжение того, что сказано раньше, – возразила:

– А что, эта кожаная куртка – тоже улов. Подновить – да и щеголять… Слышала о таком в лекции о моде.

– Ты еще вельветовые брюки не забудь! – Шрапштейн захохотал вместе с Иланой.

Авраам тут же почувствовал издевку над собой. Еще вчера вечером он не понял решения Иланы присоединить к следствию Эяля Шрапштейна. С чего она решила, что ему понадобится дополнительный офицер?

«Он свободен, и ты ведь, Ави, знаешь, что парень он башковитый, хотя иногда его и заносит. Ты – старший инспектор, поставлен во главу расследования. Задействуй его, как сумеешь, и он тебе поможет», – так Лим попыталась оправдать свое решение.

– Когда приезжает Элиягу? – спросил Авраам Авраам, и она ответила:

– Уже едет, минуты через три будет здесь. А ты знаешь, Эяль, что Ави положено поздравление? У него в пятницу был день рождения.

Ей хотелось развеселить Авраама, но он сжался в комок.

– Поздравляю! И сколько же тебе стукнуло? – спросил Шрапштейн, и Илана, почувствовав неловкость, ответила за недавнего именинника:

– Еще и сорока нет. Пацанчик ты, Ави, тебе еще годика два ходить в зеленых и подающих надежды следаках. До сороковника это работает.

– А вот у меня в запасе десять лет, – сказал Эяль.

Вошел Элиягу Маалюль – почему-то в сером плаще.

– Вижу-вижу, что планку возраста я поднял, а планку красоты опустил! – произнес он свою обычную фразу и, положив руку на плечо Авраама Авраама, шепнул ему на ухо: – Рад тебя видеть. – Затем присел возле него на стул. – О’кей, начнем. Потому что я тороплюсь. Ави, проводи брифинг и постарайся все изложить как можно подробнее.

Авраам Авраам положил на стол тонкую папку с делом и вынул из нее три листка, которые отпечатал и сколол сшивателем утром в участке.

– Итак, вот, что мы имеем. Офер Шараби, житель Холона, девяносто четвертого года рождения, приводов в полицию не имеет. Числится в пропавших с утра среды. В среду, немногим раньше восьми утра он, как обычно, ушел в школу. И не пришел туда. Не оставил ни записки, ни чего-либо другого, указывающего на побег. Его мобильный телефон остался дома, так что мобильное позиционирование невозможно. Жалоба в полицию подана в четверг утром матерью, Ханой Шараби.

И тут же встрял Шрапштейн. Он поднял палец и сразу пошел говорить – этакий зубастый ученик, который не нуждается в знаке учителя, чтобы вмешаться в его речь.

– Прошло больше суток с тех пор, как он исчез, да?

– Не совсем. Мать поняла, что он не был в школе, только в среду после обеда, когда сын не вернулся домой, – рассказал Авраам. – Фактически она пришла в участок в среду под вечер, но не была однозначно уверена, подавать ли заявление о его пропаже.

Илана пока не произнесла ни слова. А Эяль все не умолкал:

– Что значит «не была однозначно уверена»? Кто с ней говорил?

– Дежурным инспектором был я, – сказал Авраам Авраам. – Она пришла к вечеру и колебалась, подавать ли жалобу…

На этом Лим его прервала.

– Продолжай, – сказала она. – Сейчас эти подробности не имеют значения. Если это окажется важным, мы к ним вернемся. Поехали дальше.

Авраам продолжил:

– Как уже было сказано, в четверг расследование продолжилось. В СМИ и в Интернет были переданы сообщения и состоялись первичные допросы членов семьи, знакомых и соседей. Произведен первоначальный обыск в комнате подростка, включая проверку его компьютера и мобильного телефона. Кроме того, еще раз сделаны стандартные звонки в разведывательно-координационные центры. Следует указать, что обращений от гражданских лиц было сравнительно мало – может быть, потому что в новостях об этом нет ничего, кроме кратких объявлений. В сообщениях, поступивших в информационно-справочные службы, не содержится никакой конкретной информации, которая продвинула бы расследование…

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Тхина – густая жирная паста из молотого кунжутного семени.

2

Каким будет мир через 25 лет (англ.).

3

Бамба – популярное в Израиле хрустящее лакомство из арахиса, подобное кукурузным палочкам.

4

Шива (у евреев) – семь дней траура после похорон.

5

Фалафель – блюдо, представляющее собой жаренные во фритюре шарики из измельченного нута, иногда с добавлением фасоли, приправленные пряностями.

6

Талит (таллит, талес) – молитвенное облачение в иудаизме, представляющее собой особым образом изготовленное прямоугольное покрывало.

Купить: https://tellnovel.com/ru/mishani_dror/metod-inspektora-avraama

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить